

ТРУДНО БЫТЬ ФЕЕЙ.
АДСКАЯ КРЕСТНАЯ

СНЕЖАНА МАСАЛЫКИНА

Литагент Снежана Масалыкина

**Трудно быть феей.
Адская крестная**

«автор»

2024

Снежана Масалькина Л.

Трудно быть феей. Адская крестная / Л. Снежана Масалькина —
«автор», 2024

Предал истинную любовь? Развёлся с феей? Растоптал чувства? Готовься к войне! Бывшая возлюбленная с разбитым сердцем, в руках которой артефакт зла, — это вам не белкам дули крутить. Это срочно звать на помощь Соловья Разбойника и Серого Волка. И бегом за советом к бабе Яге! Ух ты, ничего себе Яга! В пору жениться!

© Снежана Масалькина Л., 2024

© автор, 2024

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Что случается, если прогуливать уроки нечистоведения	7
Глава 2. Соловей-разбойник и Горынья Змеевна	13
Глава 3. Цвет настроенья – в стельку	16
Глава 4. На границе тучи ходят хмуро...	22
Глава 5. Элла, Эллочка, Амбrella	29
Глава 6. Ах эта свадьба, свадьба, свадьба...	35
Глава 7. Соловей-разбойник и принц Ждан	39
Глава 8. Ну а дружба начинается с бутылки...	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Снежана Масалькина

Трудно быть феей

Адская крестная

Пролог

«Чёртова фея! – раздражённо ругался про себя король, с силой вдавливая скуренную почти до фильтра сигарету в тарелку, полную лимонных корок. – До какой же степени нужно быть злопамятной бабой, чтобы спустя столько лет после расставания объявиться и так нагло угрожать?! И кому! Мне – королю тридцать пятого королевства сто сорок первого царства семьдесят второго государства».

Монарх схватил бокал и опрокинул в себя коньяк. Поперхнулся, закашлялся, из глаз брызнули слёзы. Утёршись, король Ждан поднял с пола скомканный лист бумаги, прикурил очередную сигариллу, густо пахнущую черешней, расправил письмо и, подойдя к окну, в пятый раз принялся перечитывать послание от бывшей любовницы – феи Амбреллы.

«Дорогой мой сердечный друг. Приветствую тебя от всего своего тёмного сердца после долгих лет молчания. Верю, ты не забыл свою малышку Амби, которую так любил почти век назад. К моему огорчению и твоему счастью, когда ты исчез, горе моё было так велико, что магия моя перегорела на какое-то время, и я не сумела достойнейшим образом отблагодарить тебя за те нежнейшие чувства, что ты дарил мне весь год после нашей первой встречи под сенью бессмертного Дуба. Того самого, под которым ты клялся мне в любви, давал нерушимую клятву и обещал сделать своей королевой.

Увы, мой друг, недобрый король-отец лишил тебя возможности сочетаться законным браком по традициям людей с той, которую ты любил – или просто соблазнил и бросил? (зачёркнуто), – с существом из волшебного леса. Но я прощаю его. Тем более что он давным-давно отправился на небеса (хоть я и сомневаюсь, что старый хитрый интриган удостоился чести пировать в божественных Чертогах). Пока ты оставался моим мужем в глазах обитателей магического мира, я жила и надеялась, что однажды ты опомнишься и позовёшь меня истинным именем. И тогда, откликнувшись на зов, я забыла бы годы одиночества, свой гнев, простила тебя, и мы, вполне возможно, прожили бы долгую и счастливую жизнь.

Но печальную весть принесли мне на своих крыльях махаоны. Мой принц, став королём, женится. Забыв, что венчан магией любви и такой союз нерушим. Ты сам говаривал мне многократно: незнание закона не освобождает от ответственности. А потому в полной мере оценишь мой королевский жест: я разрушила силу заклятья, и отныне ты не связан узами брака с феей. За это я наказана на долгий и мучительный век: мои крылья отняли у меня и заперли в недрах земли, под корнями бессмертного Дуба.

Не беспокойся, ты будешь жить долго. И даже, может быть, счастливо. Твоя невеста прелестна и нежна. Надеюсь, ты любишь её по зову сердца, а не по королевскому принуждению. На вашей свадьбе меня не будет.

Пройдут годы, прежде чем вы обретёте долгожданную радость. Это будет означать, что я окончательно тебя простила. В этот день над дворцовой башней поднимут флаги, и глашатаи обрадуют народ вестью о рождении наследника. И тогда я хочу стать феей-крестной для малыша наравне с остальными семью феечками тридцать пятого королевства.

Надеюсь, ты не посмеешь отказать мне в такой малости, и я получу приглашение на королевские крестины.

А пока желаю удачи тебе и твоей юной королеве. И настоятельно рекомендую: не суйтись более в мой Лес. Не тревожьте мой покой своим присутствием – и беда минует твоих подданных. А может, и тебя обойдёт стороной.

*Амбрелла,
королева фей Вечного леса
тридцать пятого королевства сто сорок первого царства семьдесят второго государства».*

Глава 1. Что случается, если прогуливать уроки нечистоведения

Сто лет назад прекрасная молоденькая феечка повстречалась принцу в глухом лесу. Полдня блуждал Ждан в чаще, проклиная лешего, что водил его по кругу. Его высочество устал и измучился, хотел есть и особенно пить. Вино во фляге закончилось в самом начале королевской охоты, когда он отстал от слуг и егерей, заглядевшись на жену главного королевского ловчего, которая в тугом костюме неслась рядом с мужем. Её ноги, обтянутые белоснежными лосинами, то и дело мелькали в разрезах модной амазонки, дразня воображение принца. Оттого Ждан и прикладывался к фляжке с освежающим напитком чаще, чем требовалось, пытаясь погасить разгоравшийся внутри пожар. И естественно, сбился с пути, когда, гикнув, кавалькада унеслась вслед за псами догонять лис.

Мошкара кусала монаршее лицо, а комарьё жалило коня, и тот нервничал, баловал, норовил сбросить на землю королевскую... особу.

Ждан ломал себе голову, пытаясь припомнить, что нужно сделать, дабы избавиться от вредного лешего, но память молчала. «Самое страшное – это когда не знал, да ещё и забыл», – некстати вылезла из глубин сознания любимая фраза препода по нечистоведению, мастера Недогона, уроки которого принц благополучно прогуливал, искренне веря в то, что рядом с ним всегда и везде будут находиться специально обученные люди и любое его королевское удобство, включая безопасность, будет обеспечено слугами. Так что ни к чему забивать царственную голову всякой чепухой из псевдонаучных книжек общей серии «Злыдни доморощенные и природные: как с ними уживаться и справляться», полных мудростей, советов и рекомендаций, вроде: как перенести домового в новый замок, задобрить конюшего, избавиться от лешаковского наваждения – и прочей ерунды.

Конь начал спотыкаться, и принц решился наконец покинуть седло и пойти своими прекрасными натренированными ножками по траве, подозрительно блестящей росой, хотя на охоту наследник со свитой отправился пополудни. В тридцать пятый раз очутившись возле дуба, помеченного царственной надписью: «Здесь был Ждан», принц не выдержал и рухнул возле дерева, решив дать себе передышку.

Тут-то и появилась она: прекрасная блондинистая малышка ростом с ладошку, с чётвёртым размером... крыльев и огромными наивными фиалковыми глазами. Фея подлетела к принцу, зависла в полуметре от него и молча принялась рассматривать. Восторг в глазах волшебной девушки заставил уставшего наследника сесть ровно и приосаниться. Её взгляд медленно оценил шоколадную гриву вьющихся волос (в меру длинных), прошёлся по красивым голубым глазам, обрамлённым пушистыми ресницами, задержался на крупных, чётко очерченных губах и робко заметался в районе пояса, не решаясь опуститься ниже.

Охотничий костюм наследника был чудо как хорош и почти анатомически облегал спортивное, поджарое тело, которое принц всячески холил и лелеял. Тренировки, массажи, ванны с молоком и толчёным жемчугом. Косметологи, визажисты, банщики... Над собственным совершенством Ждан трудился не меньше первой красавицы королевства. А то и больше, учитывая королевские возможности.

Один художественный беспорядок на венценосной голове чего стоил: главный королевский цирюльник ежедневно по утрам по часу колдовал над шевелюрой принца, сооружая хаотическую небрежность причёски. Ту самую, про которую с первого взгляда ясно, что беспорядок – дело рук дорогого мастера. Все барышни тридцать пятого королевства, влюблённые в его королевское высочество, в восторге замирали, взирая на незамысловатую, на первый взгляд, но такую профессиональную укладку.

Фея подлетела ближе и замерла возле лица принца, пристально всматриваясь в его небесные глаза. Малютка была прелестна: длинные крылья с заострёнными оконечиями словно светились изнутри изумрудным огнём. Белоснежные волосы, уложенные в высокую причёску, мерцали льдистыми всполохами, а капли росы подобно бриллиантам вспыхивали на остриях миниатюрной короны, венчавшей очаровательную головку. Стройное тело с тяжеловатой для такой малышки грудью, длинные ноги, тонкая талия.

«Всё, как я люблю, – огорчённо вздохнул про себя принц. – Какая жалость, что она такая маленькая... фея, а не человек!»

Будто прочитав его мысли, существо громко фыркнуло и взмахнуло крыльями, на мгновение перекрыв Ждану обзор. И тут уже принц, распахнув и без того до неприличия большие глаза, принялся жадно разглядывать особу, появившуюся перед ним вместо феи. Миниатюрная крылатая девчушка предстала перед его королевским высочеством высокой, под стать юноше, невообразимо прекрасной (и почти человеческой) девушкой.

Исчезли крылья, но налёт неземного очарования и волшебства окутывал прелестное создание, подсвечивая тонкую белую кожу солнечными лучами, будто светило всё время находилось позади красавицы. Большие фиалковые глаза, чуть заострённые миленькие ушки, пухлые губки сочного малинового цвета, бархатные щёчки и тёмно-медовые брови приковывали взгляд.

«Само совершенство!» – выдохнул принц, жадно рассматривая девушку. Ждан так залюбовался, что вздрогнул от неожиданности, когда услышал звон серебряных колокольчиков, неизвестно откуда раздавшийся в глухом лесу. И лишь спустя минуту принц сообразил, что это смеялась незнакомка. И вместе с ней трепетали от смеха цветы и травы, согнувшись без ветра вокруг ног прелестной феечки.

– Человек! – отсмеявшись, воскликнула лесная нимфа. – Что ты делаешь в моём лесу?

– Я-а-э... – принц неловко поднялся и, откашлявшись, глубоким, хорошо поставленным голосом, произнёс: – Прелестная леди, я заблудился.

С малых лет наследнику особенно хорошо удавались сцены смущения. Робкий румянец, появлявшийся в такие моменты на щёчках мальчика, а потом и юноши, приводил придворных дам в экстаз. И Ждану ни в чём не было отказа. Да и отцовского наказания удавалось избегать, благодаря видимости искреннего раскаяния и нарочитой виноватости. Как говорится, перед царём-батюшкой вид необходимо иметь глупый и придурковатый.

Это были первые уроки, которые он получил от примы королевского театра, великолепной актрисы, ставшей его первой женщиной. Какое-то время принц даже испытывал к Аделаиде некоторые чувства, ошибочно принимаемые за любовь. Но спустя год они расстались, вполне довольные друг другом. Наследник получил богатейший опыт, а стареющая актриса – замок на юге королевства, у самого синего моря.

Но сейчас при виде дивных фиалковых очей миловидной блондинки принц растерялся настолько, что позабыл весь свой куртуазный опыт и не представлял, как вести разговор с девушкой.

Фея сделала плавный жест и расположилась в удобном кресле, свитом из корней... дуба, под которым отдыхал Ждан.

– Располагайся, человек, – с улыбкой звонко пригласила девушка. – Меня зовут Амбрелла. Я королева Вечного леса. А ты кто?

Принц оглянулся и обнаружил позади себя такое же удобное сиденье. Потрогал сооружение рукой, проверяя на прочность, и осторожно опустился на краешек, прислушавшись к своим ощущениям. Удостоверившись, что хрупкая, на первый взгляд, вещь под ним не сломается и не уйдёт в землю, Ждан вольготно раскинулся в кресле. И сердито заметил, что всё это время, пока он развлекался с импровизированной скамьёй, девушка с интересом наблюдала процесс, склонив голову набок, едва сдерживая смех, так и брызжущий из глаз.

Принц нахмурился: он не любил, когда над ним смеялись, привык с рождения, что девочки, девушки, дамы всегда и в любой ситуации взирали на его высочество исключительно с восторженным трепетом и обожанием во взоре. Сведя брови, Ждан сверлил нахалку взглядом, мучительно придумывая какую-нибудь колкость, и пытался понять, почему рядом с этим созданием ему так сложно флиртовать, шутить и делать витиеватые комплименты.

Что-то в ней было такое неземное, хрупкое, бесконечно нежное, отчего венценосному юноше хотелось подхватить её на руки, прижать к себе и закружить-зацеловать в танце. А потом утащить в самый дальний замок на краю королевства, что притулился на высокой скале над морем, и запереть в высоченной башне со шпилем. Чтобы никто, кроме принца, не имел более возможности восхищаться дивной лебяжьей шеей, очами с изумрудными искорками, время от времени вспыхивающими в глубине фиолетовых озёр, обрамлённых длинными золотыми ресницами. Не приведи Ревник (1), кто-то возжелает к ней прикоснуться!

При этой мысли Ждана передёрнуло от гнева, и он не сразу расслышал вопрос феи.

– Имя у тебя есть, человек? – насмешка всё явственней слышалась в голосе волшебного создания.

– А-э-эм... Позвольте представиться: Его Высочество принц Ждан, единственный наследник тридцать пятого королевства сто сорок первого царства семьдесят второго государства, – с этими словами юноша слегка склонил голову, обозначив вежливый поклон, решив, что некая свобода нравов допустима в разговоре с другой венценосной особой при встрече в лесу.

– Это ж откуда к нам такого красивого дяденьку занесло? – проскрипело что-то справа от принца.

И королевское сердце, от неожиданности пропустив удар, рухнуло в пятки.

Только сейчас до наследника дошло: ни слуг, ни охраны, ни егерей рядом нет. И он один на один с незнакомкой, что представилась ему королевой Вечного леса. А если вспомнить, каким образом Ждан оказался в волшебных дебрях, то оставалось уповать только на то, что Род не выдаст, кабан не съест. «Да и вообще, смешно опасаться красивой женщины, – решил про себя наследник, гордо выпрямив скукожившиеся плечи. – Тем более блондинки. Будь она хоть трижды королевой!»

Эти мысли галопирующими скакунами в секунду пронесли у него в мозгу, и будущий король, надменно повернув голову в сторону скрипа, процедил:

– Из тридцать пятого королевства сто сорок первого царства семьдесят второго государства.

– Ох ты ж, батюшки, – проскрежетала невидимка, – стал быть, ты Беспардона Долдоновича сынок-той будешь? Слыхала, матушка, кого нам окаянные лешие-то привели? Говорила тебе, надо было Манилу-хитрована посылать на поиски мужичонки. От он бы заманил к нам кого получше этого фуфыря. Богатыря какого али воина. А этот... Тьфу, недоразумение, – в сердцах сплюнула скособоченная старушка, выйдя на свет божий, и ткнула пальцем в сторону Ждана.

– Ладно тебе, Чомора, – примиряюще стрельнула фиолетовым взглядом в сторону оскорблённого принца Амбрелла. – Не ворчи, а посмотри лучше, как хорош да пригож.

– Толку-то нам с той красоты? – сверля наследника маленькими злыми глазками и оперев руки-крюки в бока, проскрежетала старая ведьма. – До дела нашего согдится ли? Штой-то сомневаюсь я.

С этими словами вредная бабулька, покачивая головой с торчащими из волос колосками-васильками, проковыляла к фее и уселась у её ног. Принц с трудом подавил желание потереть глаза: вместо старушенции на поляне красовался пенёк, облепленный цветами, грибами, мхом, с двумя сучками-обрубками, из которых выглядывали сухие тонкие веточки, напоминавшие скрюченные пальцы. И кабы пенёк не мигал время от времени парой рыжих ромашек над шишкой-носом, Ждан подумал бы, что ему всё почудилось.

Принц моргнул, сглотнул, перевёл взгляд на фею и моментально насупился: королева леса хоть и любовалась им по-прежнему, но в глазах её плясали смешливые чертенята. Наследник хотел было поинтересоваться, что в нём такого смешного, но тут фееричное создание заговорило нежным проникновенным голосом:

– А что, принц, с лица ты и вправду пригож да хорош. А вот умён ли?

– Так в наследниках дураков не держат, – буркнул Ждан недовольно.

– Так, чай, у царя Беспардона ты единственный сыночек-то. Вот ему, окаянному, и выбирать не из кого. Да и принцессу младшую, умницу-разумницу, спортсменку и отличницу, уж и замуж спровадили, шоб подальше была да не затмевала умом-разумом брата старшего, – проскрипел пенёк, встряв в разговор.

Принц неожиданно для самого себя залился краской, а фея звонко расхохоталась. Такого издевательства наследник не стерпел и, вскочив с кресла, решил гордо покинуть негостеприимную полянку, поскольку честь свою с мечом в руках отстоять не имелось возможности. С бабами дерутся только слабаки, дураки и трусы, а умные лаской да подарками с любой договорятся. Да только с этими двумя сам чёрт не справится! Уж больно на язык остры и язвительны. Особенно пенёк старый.

– Не обижайся, принц Ждан, Чомора как малый ребёнок: что на уме, то и на языке. А ты, – строго обратилась фея к пенюку, – не смущай гостя нашего, а лучше стол накрой: накормить, напоить надо добра молодца. Потом и разговоры поговорим.

Пенёк так громко фыркнул, что с коры оторвался василёк и упал в траву. Тут же из зеленухи вспорхнула синенькая бабочка и полетела куда-то по своим незамысловатым делам.

Чомора вновь стала старушкой и, переваливаясь с ноги на ногу, что-то бурча себе под нос, принялась распоряжаться-командовать. Широко распахнув глаза от изумления и приоткрыв рот, Ждан наблюдал, как через поляну начали шмыгать звери-птицы, неся в лапах-крыльях угощения. Лисы ягоды свежие тащили в корзинке, ужи воду волокли в графинчике, дятлы несли сок берёзовый в берестяном теске, белки орехи колотые на стол ставили, зайцы – овощи запечённые, а ежи – грибной шашлык на веточках.

Когда на поляне показался медведь, принц побледнел, но, скосив глаза на фею, понял: царь лесных зверей такой же верноподданный Амбреллы, как и всё другое зверьё, и всего лишь принёс бочонок мёда и кувшин медовухи для гостя. Прелестные маленькие феечки, усердно махая крылышками, на подносе из листа кувшинки приволокли сосуд из прозрачного горного хрусталя, в котором плескалась золотистая жидкость, и поставили напротив королевы.

Старушенция махнула руками-крюками – и вся живность исчезла с полянки. Подойдя к столику, незаметно появившемуся между Жданом и королевой, Чомора малость увеличилась в росте и принялась ухаживать за хозяйкой и гостем. Принцу плеснула в кубок медовухи, своей королеве – золотого напитка из кувшина. Ждан насторожённо покосился на предложенное угощение, мелькнула мысль: «А не отравить ли меня хотят?»

Считав его сомнения, Амбрелла отставила бокал и велела Чоморе плеснуть и ей медовухи.

– Не бойся, мой принц, – отпив медового хмельного, промолвила королева леса, – не отравлено. А вино своё не предлагаю, потому как волшебное оно, для людей непригодное. Хлебнёшь из моего бокала – позабудешь жизнь свою, навечно влюблённым пленником в нашем лесу останешься, менестрелем станешь, или художником, или ещё кем при моём дворе.

– Почему не воином или казначеем? – осторожно пробуя на язык мёд, поинтересовался Ждан.

– Каждому из вас, людей, фея-крёстная по стародавней традиции при рождении дарит талант или особую способность. Но не все крестники следуют зову души и сердца. Многие выбирают простой путь золотого тельца. А ступив на него однажды, попадают в сети Морока, запутываются в сетях лжи и обмана, растрачивая дары впустую.

– А вино здесь причём? – отодвинув от себя хрустальный кувшин с магической жидкостью, уточнил любопытный юноша.

– А вино стирает в человеке всё низменное, выпуская на волю его истинную душу, самые сокровенные светлые желания, которые люди, взрослея, подавляют в себе, загоняя глубоко – на самое дно.

– И у меня есть фея-крестная? – пропустив мимо ушей объяснения Амбреллы, жадно уточнил принц, сделав солидный глоток и причмокнув языком от удовольствия.

Медовуха была славной, в меру хмельной, с ароматом лесных трав.

– И у тебя, беспутень, – заворчала снова Чомора, наложив в тарелку принца разной снеди. – Ты закусывай, дурень, наша медуница вашей не чета. Чай и с ног свалит, а ты нам тверёзый нужён.

Принц отмахнулся от назойливой старухи и снова обратился к королеве:

– А какой дар у меня?

– Талант художника. Но осталась от него крупица. Вспомни, в семнадцать лет ты забросил писать картины. А ведь все говорили, что твои работы словно оживают, как только высыхает последняя капля краски. А мог бы стать великим, – грустно вздохнула фея и жестом попросила Чомору плеснуть цветочного вина.

– Ну-у-у, ху-у-до-ожник, – протянул Ждан, отставив бокал и наколов запечённый гриб на деревянную резную вилку. – Вот кабы воин великий или правитель, а так... Кисти пачкать и холсты малевать большого ума не надо.

Фея ничего не сказала. Чомора поджала губы, ехидно зыркнула в сторону наследника. На лице старушечки бегущей строкой пронеслось всё, что она думала о великовозрастном недоросле: «Дурень ты, дурень!» Но принц не заметил, занятый выбором очередного сказочного блюда.

– С этим понятно. А влюбляет вино в кого? – пробую мочёное яблочко, обваленное в шоколадно-клюквенной крошке, и шаря глазами по столу в поисках ещё чего-нибудь вкусенького и необычного, продолжил Ждан.

– Ну, дурень, как есть, – в сердцах бросила Чомора и решительно отодвинула от принца кубок с медовухой. – Хватит с тебя, а то последние мозги пропьёшь!

И плеснула ему в высокий фужер родниковой воды. Да такой ледяной, что хрустальные бока моментально запотели.

Хотел было венценосный гость возмутиться такой наглости, да вовремя заметил внимательный взгляд королевы и решил промолчать, проглотив королевскую спесь.

«В чужом доме хозяин – барин», – успокоил себя принц и потянулся к бокалу. Брови Ждана удивлённо приподнялись после первого глотка. Вкуснее воды он не пробовал ни в одном царстве-государстве, а их он повидал немало, разъезжая с ответными визитами по долгу государственной службы. Даже в его родном королевстве водица не отличалась особым вкусом, и пить её из колодцев хоть и можно было, да невкусно.

Вода же с королевского лесного стола напоминала самое драгоценное вино из далёких восточных заморских стран, что стоило на вес золота. Да что там, стократ лучше и вкуснее! Но ни хмеля в поданном напитке, ни добавок принц не ощутил. Чистейшая, как слеза младенца, ледяная, как утро высоко в горах, сбивающая хмель почище снадобья, которым потчевал его по утрам после приёмов королевский лекарь, безупречно свежая, как родниковые струи, и сладкая нежной сладостью первого поцелуя любви.

Принц выхлебал целый бокал и попросил ещё.

– Так чем я могу помочь, леди Амбрелла? – откинувшись на спинку кресла, повертев в руках наполненный водой кубок, умиротворённо поинтересовался Ждан. – Как я понял, лешие ваши не просто так меня крутили-водили по лесу.

Незаметное облачко пробежало по лицу королевы Вечного леса, но, безмятежно улыбувшись и отпив вина, она бросила Чоморе:

– Ну вот видишь, а ты говорила, глуп. А он не так прост, как кажется с первого взгляда, – и ласково улыбнулась принцу, глядя нежно в синие глаза.

Старуха фыркнула, щёлкнула пальцами – и на полянке снова засуетились слуги-звери, убирая блюда и заставляя тарелками с неведомыми сладостями маленький столик, возникший как из-под земли вместо обеденного стола.

– Попробуй кофе со вкусом лесных трав, после медовухи очень бодрит, – предложила королева, накладывая себе на блюдце маленьких пирожных, похожих на крупные лесные цветы.

Сладости были сделаны столь искусно, что, пока принц не откусил кусочек, ему казалось, что вокруг не еда, а настоящие цветы, листья, шишки и жёлуди. Прикрыв глаза от восторга, Ждан на пять минут выпал из реальности, совсем позабыв про собственный вопрос. И едва не пролил кофе, когда услышал нежный голосок королевы Вечного леса.

– Помощь нам нужна, добрый молодец, – молвила королева, заглядывая в самое сердце принцу.

Забыв обо всём на свете, Ждан отставил блюдце и кофейную чашку и, как зачарованный, вновь взгляделся в прелестное женское лицо. Щёчки Амбреллы слегка румянились, в очах плескалось ожидание чего-то волшебного, царственные изящные пальчики теребили оборку из живых цветов на глубоком декольте. Сорванные лепестки планировали к земле, в воздухе превращаясь в маленьких пчёлочек. Алые губки феи сложились в печальную улыбку.

За один только её огорчённый вздох готов был принц сию минуту уничтожить любого, кого ни попросит королева. В мыслях Ждан уже сражался с драконами, рубил головы чудищам лесным или заморским и бросал поверженных врагов к ногам прелестной возлюбленной. Да-да, именно так, и на меньшее наследник был не согласен.

Странная штука – любовь. Двадцать пять лет прожил Ждан на белом свете, познал дам много и разных. Но ни одна не тронула королевское сердце, не запала в венценосную душу. А вот, поди ж ты, зацепило его неведомое существо из волшебного леса с первого взгляда, а точнее, с первого взмаха изумрудно-прозрачных крылышек. Любовь тонкой золотой иголкой впервые проткнула сердце наследника и теперь шуровала там вовсю, крепкой ниточкой страсти и желания привязывая всё крепче принцеву душу к королеве Вечного леса.

– Всё что угодно, моя королева, – жадно ловя взор феи, прошептал Ждан и для убедительности прижал руки к сердцу, что тяжело ухало в груди.

– Ах! – взмахнула Амбрелла длинными ресницами, и словно золотая пыльца слетела с их кончиков и разнеслась в стороны светлячками. – Помоги мне, мой принц. Спаси лес от зла.

– Кто обидел мою королеву?! – грозно рыкнул Ждан, не сводя с неё горящего взгляда. – Не носить ему головы!

– Кто-кто, да уж не конь в пальто! – не выдержав накала страстей, громко фыркнула Чомора. – Соловей-разбойник, будь он неладен!

Глава 2. Соловей-разбойник и Горыня Змеевна

Соловей-разбойник – для любимой жены Солушка, а для близких друзей Сол – возлежал в гнезде, что соорудил по старой памяти на семи дубах Вечного леса, аккурат возле подножья горы Живун. Листал книжицу со сказами о себе, злодеюшке, бороду пощипывал да слегка посовистывал. Так, чтоб ветерок поднимался да обвевал, от жары спасая.

Тоскливо было на душе у Соловья: столько лет с женой своей разлюбезной душа в душу жили, трёх деток нарожали – и на тебе, из терема выгнала. Да не просто так, а с вещами со всеми. И ладно б в сундуки-мешки уложила и в сенцах поставила – помирились когда, сам бы в палаты занёс, – так нет же, на глазах у всей челяди вышвыривала кафтаны-штаны с рубахами из окон супружеской опочивальни, губы поджав и яростно глазами сверкая.

«Лучше б орала да кляла, – протяжно вздохнул Соловей, перевернув страницу. – Так бы твёрдо знал: поорёт и перебесится, отгаёт – домой пустит. А тут... Э-э-х!»

Бывший разбойник захлопнул книгу и в сердцах отшвырнул от себя. Тяжёлый фолиант вылетел из гнезда и шлёпнулся прямо на голову лисы-разведчицы из королевской разведроты. Лисица взвизгнула и метнулась напролом сквозь наваленный бурелом, справедливо опасаясь гнева Соловья, которому до Аука надоели шпионы королевы Амбреллы.

Как, собственно, и все желающие выкурить его из гнезда и либо отправить восвояси, либо спустить на землю в цепях и сдать в одно из ближайших королевств, где в любом царском сыске на него по три десятка уголовных дел заведено и по три пожизненных срока назначено. А в пяти-десяти богатейших государствах за него и вовсе награда царская объявлена: каменьев драгоценных отсыпят по весу его буйной головушки. А коли кто догадается и тело его бездыханное сыскарям сдать, тому ещё и золотишка перепадёт пару пудов.

Соловей лениво свистнул сквозь зубы вслед хвостатой, придав ускорение. И с кислой улыбкой наблюдал, как, растопырив лапы и отчаянно махая хвостом из стороны в сторону, рыжая белкой-летягой перелетала через поваленные деревья.

«Эх, ску-учно! – тоскливо засвербело в мыслях. – А дома, поди, Змеевна пирогов напекла, квасу холодного из погреба достала, яблочек мочёных...»

Живот просунулся и квакнул надсадно, требуя всего передуманного. Соловушка почесал бороду, потёр живот, перекатился пару раз с боку на бок, разминая залежавшуюся спину, и кряхтя поднялся на ноги. После вчерашнего посвиста разбойничек разжился снедью мясной да бочонком пива. Слухами земля полнилась, да не так быстро. Потому и ходили до сих пор селяне и паломники к горе Живун воды набрать из источника внутри пещеры да травы-муравы собирать лечебной.

Те, кто издалека забредали, хорошо упакованными приходили: в мешках и разносолы находились, и сладости, к которым Соловей к старости пристрастился. Да и золотишко обнаруживалось в потайных кармашках: чай в дальней дороге без денег никак. А банкам и дорожным чекам нынче люди не доверяли.

Вон по весне лопнул банк «МММ» – три медведя по-простому. Держали его Марья Потаповна, Михайло и Мирон Потапычи – два брата и сестра. Денежек с народа собирали целый год, обещая великие прибыли. И поначалу исправно те проценты выплачивали, а потом в одно прекрасное утро взяли да слились в южные края, что по ту сторону моря-океана. А вкладчики с пустыми кубышками остались. Сыскари с ног сбились, да толку-то: медведей и след простыл. Вот теперь чешет репу министр финансов короля Ересея Похмелевича, что делать да как разбушевавшуюся чернь успокоить и деньги в казну вернуть.

Соловей сыто ухмыльнулся в бороду, дожевал кусок грудинки вприкуску с горбухой каравая, запил пивом. Он-то вклады свои со счетов медвежьих поснимал через полгода, крепко помня слова покойного батюшки: «Жадность полуверницу сгубила». Потому в наваре остался

и ни медяка не потерял. А челяди, боярам да князьям жадность глаза застила, вот и погорели они все как один.

Соловей спрыгнул на землю, подобрал книжицу, перелистал страницы и вытащил закладку. Вздыхнул протяжно, оглянулся по сторонам – не видит ли кто – и торопливо поцеловал карточку. И показалось ему, что Горынья Змеевна слегка бровки свои расхмурила и вроде как улыбается краешком губ своих сахарных.

Дочь Змея Горыныча была чудо как хороша! Русая, ниже пояса, коса толщиной с молодой десятилетний дубок, плечи широкие, бёдра крутобокие, брови вразлёт, ветреная чёлка, нос курнос, веснушки золотыми приисками по щёчкам румяным. Глаза что твоё море – синезелёные. А уж грудь-то, грудь! Не чета некоторым.

Ох, любил Соловей, Одихмантьев сын, славных дочерей русичей более всех жён на свете. Потому и любушку себе румяную да светловолосую приглядел. Хоть до сих пор и удивлялся: ну от кого у страшилища трёхголового такие дочки-красавицы уродились? Тесть молчал, тайну не сказывал, про мать девочек не рассказывал. Даже ядрёный самогон на мухоморах Бабы-яги за столько лет не помог: на крепкий узел завязал змеиное жало батюшка и молчал, как немой на допросе.

Соловей сердито засопел, отгоняя образ тестюшки и всех прочих некоторых, что ввели во искушение. Прошёлся до бурелома, поднял столетний поваленный дуб, открыв проход на поляну перед пещерой. Осмотрелся, огляделся, никого не обнаружил и зашёл внутрь горы. У дальней стены отвалил камушек и достал вещицу, замотанную в кожу выделанную, непромокаемую. Зачерпнул ковшиком воды из источника, напился от души, отёр от капель усы с бородой и вышел на свет божий. Возле входа присел в ветвях выкорчеванного дерева, уложил на камень перед собой поклажу и развернул.

Белоснежное блюдо сверкнуло на солнце и пустило зайчика, голубая каёмочка подмигнула разноцветными бликами, яблочко наливное прыгнуло прямо в руку Соловью-разбойнику. Установив тарелку, запустил он фрукт по кругу. Вскоре доньшко задрожало и показало картинку.

– Батя, ты? – прогудел басом кто-то по ту сторону средства волшебной связи.

– Я, кто ж ещё? – ворчливо ответил Соловей-разбойник. – Ну как там у вас? Как мать? Как сёстры?

– Матушка рвёт и мечет по-прежнему, на охоту ускакала на дальние озёра. Лук свой богатырский со стены сняла, – прогудел старший сын и наследник Чудо-юдо Соловейч.

Соловушка крикнул и в затылке почесал: не бывало такого сто лет в обед, чтоб супружница дарёное отцом оружие снимала. Да ещё и в даль такую из терема унеслась.

– А поехала на чём? – уточнил Соловей.

– Так на буланом, батюшка. Сама цепи с него поснимала, водой ключевой напоила, вскочила в седло – только их обоих и видели. Земля сутки дрожала от топота копыт, три дня солнышко не видать было за пылевым столбом.

Закручинился Соловей-разбойник ещё больше прежнего. Нет, не простила его любушка, да и простит ли теперь – неведомо.

– Как сёстры? Подобрю-поздорову ли?

– Все в здравии. На днях к Пельке сваты приходили, да я их отправил восвояси: ни отца, ни матери дома нет. Так ревёт теперь белугой, дурында.

– Кто такие? Каких родов-земель?

– Дык, с новых земель, что за морем-океаном лежат. Ни роду, ни племени здешним свхам неизвестного, – пожал сажеными плечами в блюде старший сын Чудушка. – Ты-то там как, батюшка? Может, надо чего? Так я примчу – привезу.

– Всего в достатке, – махнул рукой Соловей. – Не утруждайся. Стариной тряхнул, буйную молодость вспомнил. Всего вдосталь – не пропаду, – потеревил бороду, почесал в затылке. –

Ты вот что, пошли соколиков тайно за матушкой присмотреть: не обидел бы кто. Всё мне спокойней будет. Пусть поохотится, дурь-то выкинет. Глядишь, вернётся подобрей, так и сообщи мне сразу. А я уж с дарами-подарками на поклон приду, мириться-каяться.

– Добро, батюшка, – кивнул Соловейч.

– Ну бывай, на днях позвоню.

Соловей-разбойник снял яблочко – донышко помутнело, картинка пропала. Укутав тарелку в кожу, поднялся он с места насиженного и понёс блюдо обратно в пещеру. Там его надёжней держать: не одну волшебную посудину для связи разбил легендарный злодей. Теперь опасался характера своего бешеного, прятал от себя подальше. А если кто связаться с ним захочет, так кольцо-связка алым на пальце запульсирует и лик покажет в крупном камне. Захочет Одихмантьевич – ответит, не захочет – так и не пошевелится. Привалив камень обратно, Соловей набрал в туес живой воды, вернул на места поваленные деревья и полез в гнездо.

Вечерело. Солнце цепляло верхушки деревьев, воздух наполнился ароматом ночных трав и цветов. На границе Вечного леса засветились светляки, несущие вахту. Очередная лиса тихо скользнула в кусты, заняв наблюдательный пост. Соловей-разбойник развалился в гнезде, закрыл глаза и щёлкнул пальцами. Закачалось лежище на цепях, натянутых между семи дубов, убаюкивая грозного разбойника. Засопел он вскоре плавно, а потом и похрапывать начал тихонечко. Маковки деревьев лишь слегка склонялись к земле, как при ветре сильном.

И снилась ему Горынья Змеевна. Потчевала Соловушку любимая жена лакомствами заморскими, пирогами с грибами, ягодами мочёными, сидела напротив муженька за столом, подперев щёчки свои маковые ладошками белыми, и влюблённо, как в юности, поглядывала из-под чёлки ветреной на бывшего разбойничка. Заулыбался во сне злодей, повернулся на другой бок, подложил обе руки под щёки и захрапел пуще прежнего.

Светляков сдуло в тот же миг, а продуманный лис-разведчик, привязавший себя к веткам дерева, подлетал и опускался над землёй, словно шар воздушный фигуристый. Незаметной тенью скользнул от пещеры ужонок и помчал на доклад к фее Амбрелле, королеве Вечного леса, во владеньях которой засел лиходея.

Глава 3. Цвет настроенья – в стельку

Его величество Ждан Первый Беспардонович – в народе именуемый не иначе как «Наш Ждуняша» из-за долгой холостяцкой жизни – приканчивал вторую бутылку горячительной гномьей смеси под названием «Северное сияние одинокого ерша». Напиток был убойным, а рецепт – секретным. Гномы хранили его втайне и передавали из поколения в поколение исключительно младшим сыновьям в устной форме из-за боязни промышленного шпионажа.

Многие алхимики разных царств-государств пытались разгадать секрет «Сияния ерша», но, увы, тайный ингредиент не открывался никому. А именно благодаря ему алкоголь сыскал себе народную славу и признательность: упиться им можно было до состояния ползающих фей, воющих голосами анчуток гимн всех алкоголиков «Цвет настроенья – в стельку», или до полной потери головы. Или голов, как случилось однажды у Горыныча после рождения первой и единственной дочери. Знатно тогда змей надрался. Да так, что с утра в зеркале две головы не заметил и носился по горе своей змеиной двое суток, сокрушаясь и причитая, пока хмель не выветрился, а пропажа, протрезвев, не выползла из-под крыльев.

«Северного ёршика» любили за то, что в горе он помогал забыться до полного беспамятства, в радости – развернуться душой и телом на весь солнцеворот. Но наутро голова от него не болела, ихтиандры не страдали, а на сердце становилось легко и спокойно.

Так что, зная об этом чудесном свойстве гномьего свадебного подарка, Ждан Первый, допивая вторую бутылку, неожиданно вспомнил популярную песню известного рок-кота Баюна и запел во всё королевское горло:

– И то, что было набело, откроется потом.
Мой рок-н-ролл – это не цель и даже не средство.
Не новое, а заново, один и об одном,
Дорога – мой дом, и для любви это не место.

Со двора донёсся истеричный лай на псарне, перепуганные голуби рванули прочь с карнизов королевского дворца, кошки скатились кубарем с крыш. И лишь главный дворцовый домовый Бабай Кузьмич, прозванный слугами Аспидом за вредный характер, тяжело вздохнул, почесал бороду, сполз с кресла и почапал в королевскую опочивальню спасать положение. По дороге хранитель дворца поставил на маленький подносик рюмочку с напёрсток, плеснув в неё ровно сорок капель гномьего «ёршика», а на блюдечко, скривившись, положил ломтик фрукта заморского, редкого – лимона.

Дождавшись, когда его величество Ждан Первый Беспардонович в предпоследний раз затянет строчку «Дорога – мой дом, и для любви это не место-о-о-о», Бабай Кузьмич тихонько отворил дверцу в кабинет и уверенно просочился к месту королевской трагедии. Ловко подскочил к столу, поставил на него поднос, аккуратно изъял у царя-батюшки из рук пустую бутылку и, дождавшись, когда стихнет последний аккорд ждановского несчастья путём протяжного «о-о-о-о», под самый царский нос подсунул рюмашку.

Ждан сфокусировал рассредоточенный взгляд, прищурил правый глаз, уверенным движением цапнул сорококапельный напёрсток и опрокинул в себя. И тут же рухнул как подкошенный в заботливые объятия старого верного домового. Причитая и покачивая седой головой, Бабай Кузьмич поднял неразумного воспитанника и перенёс на диванчик, укрыл тёплым пушистым пледом, подложил подушку под голову и под царские ножки и стал, не торопясь, прибираться в кабинете, продолжая ворчать про себя о «непутёвом дитятке», которого «бабы до кикимор доведут».

Причитал про то, что старый спиртометр сломался, а новый продали бракованный, и в прошлый раз вместо сорока капель он, потомственный дворцовый домовый Бабай Кузьмич, опростоволосился и накапал сорок одну каплю, и принца-наследника полночи никто не мог уgomонить и спать уложить.

И пришлось тогда на утро конюшню восстанавливать, живность к звериным лекарям таскать: псов охотничьих от заикания лечить, котов ловчих от испуга мышами выкатывать, чтоб от громких звуков не гадили, где ни попадя, и истуканами в собственных лужах не застывали при виде тогда ещё его высочества.

Злыдня того нечестивого, что товар некачественный продал королевскому домовому, на конюшне хорошенько выпороли розгами, чтоб не повадно было народ обманывать. Да и не случилось после той давней истории больше ничего такого в тридцать пятом королевстве, чтоб нынешний государь сразу две бутылки «Северного сияния ерша» себе затребовал ни с того ни с сего.

Тут взгляд домового наткнулся на скомканную бумагу зеленоватого цвета, похожую на сорванный с ветки лист. Бабай Кузьмич, кряхтя, наклонился и поднял записку. Расправил её на столешнице и, покосившись на мирно спящего короля, подслеповато щурясь, шевеля губами, изучил содержимое.

Домовой обладал прекрасным зрением, но любил приbedниться иной раз, да и повадки людские перенял за многие века жизни во дворце. Дочитав послание королевы фей до конца, хранитель тяжко вздохнул: «О-хо-хо, быть беде!» Затем достал из широких штанин потрёпанную толстую книжицу в закладках, карандаш и черкнул пару строчек. Ещё раз перечитал письмо, что-то зачеркнул, что-то вычеркнул, положил бумагу на стол, накрыв тяжёлой книгой, чтоб любопытные слуги нос свой не сунули в королевские документы, зажёл подсвечник, поставил возле спящего Ждана графин с водой и покинул королевский кабинет.

Утро добрым не бывает. А утро свадебного дня с похмелья и вовсе радостным не назовёшь. Его величество Ждан Первый Неотразимый (так короля с придыханием восторженно называли все дамы, мадамы и простые крестьянки государства) с трудом разлепил запёкшиеся губы и простонал с чувством, толком и подвыванием. Во дворе снова забрехали собаки, а в королевский кабинет опасно просунулась голова служки. Заметив, что государь ещё не поднимался с кушетки, слуга быстренько исчез из поля зрения ещё не до конца пробудившегося царя-батюшки и со всех ног помчался в каморку главного домового. И едва не снёс Бабая Кузьмича с ног, завернув за угол.

Хранитель дворца степенно шествовал в сторону апартаментов с подносом, на котором уютно расположились запотевший кувшин с рассолом, мочёные яблочки в мисочке, похмельный отвар и свежесваренный куриный бульончик с травами для исцеления королевской головной боли, коли таковая имеется.

Спустя полчаса его королевскому величеству похорошело, и Бабай Кузьмич вызвал спальных домовят, чтобы подготовили короля к свадебной церемонии. Прибежал королевский цирюльник и принялся было колдовать над шевелурой, но даже общими усилиями не удалось распутать космы короля, которые в порыве злости Ждан настолько запутал, что хоть караул кричи. Причёсочных дел мастер взвыл и, решительно отогнав домовят, потащил величество в ванную по второму кругу, попутно отругав возмущённых спальных за то, что не вызвали банников для приведения царственной головы в божеский вид.

Спустя час, посвежевший и похорошевший, Ждан закончил банные процедуры под чутким присмотром королевского цирюльника Кудряна и царского банщика Дубадама. Младшие домовята снова засуетились вокруг государя, натягивая на него поочерёдно нижнее бельё, подштанники, белоснежную рубаху с редчайшими и тончайшими кружевами, которые плели императорские пауки.

Эти заморские мастера, привезённые посольством из далёкого триста тридцать третьего государства в качестве подарка от иноземного государя Паулиана, плели свою уникальную паутину из поколения в поколение исключительно для особ королевских кровей. И чем древнее кровь рода, тем изысканней и причудливей получался узор кружева. Ибо заплатить пауку за первый заказ приходилось каплей царственной руды (1).

Ждан Первый Неотразимый ворчал и капризничал, но как только к его волосам цвета зрелого каштана прикоснулись руки Кудряна, государь затих и блаженно расслабился в кресле, наслаждаясь массажем да и самой парикмахерской процедурой в целом. Его величество очень любил, когда его причёсывали, млел от этого и утекал под руками мастера в nirvanу. Пожалуй, голова была единственным слабым местом короля, как пресловутая пятка его четырёхстаюродного брата по бабкиной линии со стороны отца, нелепо погибшего от ранения в незаколдованную точку.

Поэтому царскую головушку берегли как зеницу ока, а то и сильнее, чтобы, не приведя Род, не замудрили родного государя да не лишили главного королевского достояния. С младенческих лет приставленный к Ждану дядька (он же нянька, он же телохранитель) охранял от чужих покушений-прикосновений исключительно королевскую черепушку. А все дамы, коих принц, а теперь король, достаивал своим королевским вниманием, проходили у придворного знахаря обряд очищения рук. Травник специальной водицей обмывал женские длани, чтобы прикосновение к государевой голове не отправило Ждана в путешествие по астралу и не нанесло вред королевству.

Принцессу-невесту из соседнего государства об этой особенности будущего мужа не оповестили, дабы спустя время вместе с роднёй не впала она в соблазн и не натворила дел переворотных. Хотя из родни у девицы осталась лишь мачеха да две сестры, но амбиций у всех трёх хватало на небольшое королевство. Мамаша спала и видела себя исключительно королевской тещей. Но не срослось: даже подмена хрустальной туфельки на туфлю большего размера, чтобы выдать за принца старшую дочь, не помогла хитрой бестии. А невеста, влюблённая в короля донельзя, оказалась девушкой скромной, милой и вежливой, как истинная аристократка, которую и дурной приبلудной кровью не испортишь.

«Эх, и куда глядел старый лесничий, когда опосля Русалины обженился на выдре этой заморской, маркизе Чурчхэле фон Грызли?» Всё это крутилось в голове у Бабая Кузьмича, который неторопливо приводил в порядок царский кабинет, собирая разбросанные вещи, подавая Ждану то чай, то кофе, то пирожок, пока королевские мастера хлопотали вокруг царского тела, наряжая его к свадебной церемонии.

Его величество Ждан уже пришёл в себя и придирчиво разглядывал своё отражение в зеркале. «До чего ж хорош! – самодовольно выпятив грудь и огладив эспаньолку, удовлетворённо крикнул про себя король. – И хорош, и пригож, и умён, и силён, и...» Тут взгляд государя случайно наткнулся на кубок, который он держал в руках, и настроение царское резко испортилось.

Изукрашенный дивными самоцветами, на высокой ножке, напоминающей ствол дуба, увитый же дубовыми листочками так искусно, что казалось, подует ветерок – и они зашеледят, – этот бокал тонкой работы из цельного куска малахита подарила ему когда-то королева Вечного леса на помолвку. Второй такой же остался у Амбреллы. Давным-давно Ждан вместе со своей прекрасной феей вкушал из них редчайшие нектары волшебного леса, что готовили трудолюбивые пчёлы и варили усердные медведи.

Раздражённый Ждан так резко поднялся со стула, что цирюльнику Кудряну пришлось высоко подпрыгнуть, чтобы успеть выхватить расчёску из царственных кудрей и при этом не нанести государю вреда. Король грохнул кубком о столешницу, сурово повёл бровями, и слуги гуськом торопливо потянулись на выход. В комнате остался только Бабай Кузьмич.

– Читал? – грозно рыкнул Ждан, усевшись в кресло возле стола и выдернув письмо из-под книги.

– Читал, батюшка, а как же не читать, – закивал домовый. – Работа моя такая – покой твой беречь да беды-печали упреждать.

– Упредил он, как же, – дёрнул плечом Ждан, вглядываясь в ровные строки, витиеватой вязью украшавшие лист. – Вот что теперь делать-то? А ну как на свадьбу заявится да скандал закатит?

– Дык, знамо дело, фейская королева завсегда слово держала. Раз говорит, что не явится, значитца, можно спокойно жениться и не кручиниться.

– Знаем мы бабские клятвы. Одно слово – ведьмы все как одна, нет им веры! – стукнув кулаком по столу, рявкнул Ждан.

– Да что ты, государь-батюшка, то простым бабам веры нет. На то они и простые, хоть и аристократских кровей. А тут сама королева угрож... – тут Бабай Кузьмич запнулся, чуть не ляпнув тайную мысль, что свербила его древнюю головушку последние несколько часов. – Сама королева, говорю, обещание дала, что свадьбу не испортит. Ей вера есть: никогда фея Вечного леса слово своё не нарушала.

– Не нарушала, поди ж ты, – уже более спокойно прогудел король. – И на старуху бывает проруха. Да закройся ты! – заорал Ждан так неожиданно, что домовый подпрыгнул на месте, что твой кот от испугу.

Король швырнул в окно тяжёлую книгу, старательно метясь в сороку, что возмущённо застрекотала на последних государевых словах. «Ох, не к добру, – прищурился хранитель, вглядываясь в трещотку. – Ну так и есть, шпионка фейская, королевой посланная. И ведь до единого словечка донесёт, зар-р-раза!» – подскакивая к подоконнику, махая руками и кшыкая на птицу, тревожно размышлял Кузьмич.

– То, что Амбрелла брак расторгла, – это хорошо. Плохо то, что для этого ей волшебной жертвовать пришлось, – закрывая разноцветные оконные створки, вслух размышлял домовый. – И насколько сила её покинула, то нам неведомо. А раз так, надо написанное в письме соблюсти, и авось к тому времени, как наследничек у царя-батюшки народится, гнев у крылатой да и пройдёт.

Бабай Кузьмич неторопливо отошёл от окна, наполнил кубок вином и подал Ждану. Его величество поморщился, но бокал принял. Подарком этим, как бы то ни было, он дорожил: королева-фея зачаровала его на веки вечные не только от любой отравы, но и вино в нём всегда, даже в жаркий полдень, оставалось свежим и прохладным. А потому не готов был Ждан Первый Неотразимый рисковать здоровьем и недругам смертоубийственный шанс давать.

– А ведь прав ты, старый друг, – успокоившись и приняв кубок из рук домового, задумчиво протянул король. – Главное, не забыть позвать её на крестины. Да, может, пару-тройку принцев-королевичей в её лес поотправлять. Глядишь, влюбится в которого, а там и обо мне совсем забудет.

– Сомнительно мне что-то, государь, но попробовать можно, – покивал хранитель, отобрав у Ждана письмо и спрятав его в потайном кармашке кафтана. – А я уж в книжечку свою записал памятку. Не забуду, уж будь спокоен, батюшка. И приглашу, и встречу, и размещу по ВИП-разряду, когда пора придёт. Любой каприз исполню, лишь бы её величество довольна осталась да мысли чёрные свои отринула и мальцу царскому чего плохого не пожелала.

– На том и порешим, – прихлопнув ладонью по ручке кресла и поднявшись из его уютных объятий, утвердил бывший муж королевы Вечного леса, а ныне – молодой жених заморской аристократки герцогини Синди де Рэлла, четвероюродной сестры иноземного короля Генриха Вредного.

Народ будущую государыню за кроткий нрав и красоту неземную прозвал Зинаидой, что означало «божественная», и с нетерпением ожидал государевой женитьбы, чтобы и на пиру

погулять, и за любимого царя-батюшку не переживать более. А то непорядок: государь уже не юноша, а всё холостой ходит, да и наследника нет – беда. Случись что, так и начнутся раздоры среди бояр да господ, а того и глядишь, иноземец какой откопает в родословной родственничка завалышаго и предъявит права на престол – вот тебе и вся недолга. Потому и радовались все от мала до велика свадьбе царской, и пир готовился на весь мир.

Со всех царств-государств созвали гостей именитых. Прибыл маркиз Карабас, ныне царствующий в своём государстве с принцессой, которую влюбил в себя да к рукам прибрал обманом с помощью хитрована-кота.

В коробчонке своей золочёной прикатила царевна-лягушка со своим царевичем, оставив выводок лягушат дома. Прибыла Варвара Краса Длинная Коса с мужем своим Василием. Хоть и жила она теперь жизнью обычной матроны, отказавшись за-ради любви от венца царицы морской, да кровь королевская не водица, потому всегда рады ей были на пирах-балах да на королевских свадьбах.

Зван был и Соловей-разбойничек, Одихмантьев сын, с женой своей, красавицей Горыньей Змеевной, с дочерьми незамужними Василисой Красавишной да Еленой Премудрой. До сих пор судили-рядили в тридцать пятом королевстве сто сорок первом царстве семьдесят втором государстве, как принцу Ждану удалось дружбу со свистуном окаянным свести да уговориться, чтобы не трогал людей царских и гостей иноземных на дорогах близ земель своих. Тайну ту берёт на сердце своём государь, никому не рассказывал.

Прибыл Змей Горыныч с новой женой своей, греческой принцессой Гидрой Лернейской. Ох и страшна была девица: тонкая, как тростинка, высокая, что жердинка. Глазищи в поллица, коса чёрная до пяток вьётся, словно змея-гадюка вокруг ног обвивается. И что только добродушный Горыныч нашёл в этой иноземке? И по всему видно, дочери, Горынье Змеевне, не по вкусу мачеха пришлась. Сухо так раскланялись девы друг с дружкой да разошлись по своим ломам в ожидании свадьбы царской.

Прикатил Сивка-Бурка со своей вещей Кауркой. Каурке перво-наперво наказали рот на замке держать да предсказаниями на пиру не заниматься. Поседевший и раздобревший на царских овсах Сивка за жёнушкой пообещал усердно приглядывать, а слугам-виночерпиям велел за двести метров половину свою обходить, потому как глоток вина творил с Кауркой чёрное: вещать начинала без продыху, пока голос не сорвёт или с ног не свалится от усталости. Даже и сквозь кляп предсказаньями умудрялась сыпать. И вот ведь диво какое: если тот, о ком вещает, рядом окажется да услышит предсказанное, то оно и случится с ним. А если мимо пройдёт да внимания не обратит, то и жизнь его вещунья никак не зацепит.

Много кого съехалось на царскую свадьбу в королевство. Тут тебе и разведёнка Крошечка-Хаврошечка принаряженная пришла. И Дед Мороз с женой Настасьей пожаловал да по такому праздничному поводу устроил на озере каток ледяной и фигур снежных понаставил на всём пути царского свадебного кортежа.

Мышка-норушка бросила свою нору на четырёхэтажном этаже в собственном бизнес-центре и прибыла в карете новейшей модели: на паре да с золотыми колёсами и оконцами из чистого хрусталя. Как сбежала она тогда вместе с Курочкой Рябой от деда с бабкой, что морили их голодом, так и живут вместе. И партнёрство у них деловое, и бизнес в гору идёт. Ряба яйца несёт, норуха их в дело вкладывает, под проценты деньги даёт народу.

Поговаривают, у неё в должниках государи-цари всех земель ходят и видимых, и невидимых. Мышка на свадьбу одна прикатила. Курочку свою, золото несущую, оберегала серая от чужих взглядов пуще чести девичьей и жизни собственной.

Пожаловал и водяной Пузырь Булькатеевич с русалочьей свитой, на восточный манер девиц своих в паранджу закутав. Не приведи Род, улыбнется кому – так и прости-прощай: рано или поздно сгинет мужичок в пучине морской либо в колодец сиганёт. В общем, найдёт способ утопиться, лишь бы с русалкой своей ненаглядной очутиться. И ни знахаря, ни ведуну с

колдунами от напасти не спасут. А уж если песнь русалочью услышит, так в тот же миг водяным столбом оборотится, чтобы ручейком обрушиться на землю и ручным зверьком за хозяйкой век вечный бегать-прыгать.

Гномы и великаны, Серый Волк и Жар-Птица (вот поди ж ты, и такое бывает: выкрал волчара красотку из гарема заморского, так обженились, и живут до сих пор душа в душу!). Снегурочка с Лелем, царь Берендей с женой, Колобок с жёнушкой рыжей своей, Лисой Патрикеевной. Заманила девица-лисица колобка-молодца в гости, хлебом-солью потчевала, мёдом угощала да речами сладкими. Задушевными разговорами растопила лисица чёрствое сердце, любви-добра от людей не знающее, так и обвенчались они, и милуются столько лет в счастье да согласии.

Колобок сеть ресторанов по всем городам и весям открыл на любой вкус и кошелёк. Уже и на международный рынок вышел. В ближайшем тридцать шестом королевстве блинные запустил. Жители заморские в восторге от блинков и блинчиков с начинками разными, им доселе неизвестными.

Никто не отказался на свадьбу царскую прибыть. Битком набит государев Великий Собор, где все праотцы Ждановы под венец шли. На улицах от любопытного народа не протолкнуться. От самого дворца живым коридором с букетами и плакатами поздравительными стоят, государя своего разлюбезного славят.

Сам знаменитый рок-кот Баюн соизволил на королевском венчании свадебные гимны петь голосом бархатным, завораживающим, райские кущи обещающим. Все феи тридцать пятого королевства собрались и шепоточком переливчатым заморских товаров своих с гостями знакомили.

«А раз феечки здесь, – оглаживая бороду, слушая доклад шустрого помощника, размышлял Бабай Кузьмич, – значит, её величество королева Амбрелла своё позволение дала свадьбу Ждана посетить. А посему слово её по-прежнему крепкое, и в ближайшие годы опасаться её не след».

Удовлетворённо вздохнув, хранитель стряхнул последнюю, видимую только ему одному пылинку с царского рукава, величественно распахнул двери и густым басом громко оповестил:

– Его Королевское Величество Ждан Первый Беспардонович, государь тридцать пятого королевства сто сорок первого царства семьдесят второго государства.

Глава 4. На границе тучи ходят хмуро...

Амбрелла уютно расположилась в сиреневом зале своего дворца. Цвет сирени последние годы превалировал в её настроении. И Чомору это жутко злило. «Жёлудь с дуба – ветке легче», – без устали твердила она своей воспитаннице. А тут ещё царевна-лягушка муравьёв в пенёк подкинула. Прикатила в гости в прошлом месяце, да и принесла недобрую весть о скорой свадьбе пустобрёха (так про себя звала бывшего принца Ждана старая хранительница леса, а по совместительству – бессменная королевская нянька). Да по секрету поведала Чоморе: сиреневый, мол, признак болезненности души, тайных переживаний и страданий.

«Ишь, ты, чего удумала! Королеву нашу, голубушку, в мертвячку обратить! А всё эта треклятая психья логия, будь она неладна! „Ах, ах, сиреневый – это маленькая смерть!“ – передразнивая царевну, противным голосом пропищала Чомора. – Да вовек такому не бывать, чтобы из-за пустопорожнего человечка красавица наша смерть приняла!» – ворчала про себя старая карга, заваривая свежий чай с лесными ягодами и собирая на поднос разносолы-вкусности для своей любимицы.

Нянька упрямо считала, что королева зря простила бывшего мужа и ценой своей магии спасла его от страшного наказания. Заклятье вечного поиска совершенства грозило неверному возлюбленному феи, но Амбрелла выбрала лишение магии за нарушение обета.

«А теперь что? Сердечко своё разбитое Эллочка в науках тайных по иголочкам-лепесточкам собирает. На других женихов и не глядит вовсе. А ведь за последний год кто только не сватался! – причитала Чомора, накладывая в розетку варенье из еловых шишек. – И эльф златовласый из Зелёных лесов на крылатых конях припархивал, и Кощей Бессмертный на драконе подкатывал, и Иван-царевич на ковре-самолёте залётывал, да всё без толку. Сидит в книжках своих, колдовство человечье изучает. Ох, не к добру это, быть беде!»

Так, продолжая ворчать и ругаться себе под крючковатый нос, Чомора закончила приготовления и ласково тронула крупный оранжевый цветок, что свисал над кухонным столом с лианы. Раздался нежный перезвон, и в распахнутые двери вбежали еноты. Подхватили подносы с чаем и яствами и под предводительством старой управляющей чинно потопали по коридору в направлении королевских апартаментов.

«Охохонюшки-хо-хо, и зачем госпоже человеческое колдовство понадобилось? Своего, что ль, не хватает?» – вздыхал старый леший Дубовод Семидневич, отпирая дверь в погреба тяжёлым латунным ключом. Подумал так-то и тут же себя одёрнул: до сих пор гаркун вину за собой ташил. Это он тогда замордовал-запутал принца Ждана да к королеве привёл. А ведь говорила Чомора, предупреждала: «С копытца воду не пьют, с лица души не глядят».

«Не послушал, старый дурак, каргу мудрую, вот и снимаем теперь пустоцветы вместо ягодок», – тоскливо вздохнув, лешак поднажал на ключ.

Замок скрипел и сопротивлялся изо всех сил, не желая пускать управляющего в погреба на разорение: «Хоть бы деточка народилась в браке-то, всё легче соловушке нашей жилось бы. Так и тут подкачал, шалопут окаянный!»

За столько лет так и не смирился, не привык старый управляющий к тому, что королеву Амбреллу решением Совета Древнейших лишили крыльев, а вместе с ними и природной магии. Те крохи, что остались в руках у феи Вечного леса, лешак и за силу-то не считал.

А подручную волшеббу и вовсе баловством дитячьим обзывал: крюпочки рассыпь – оградка поднимется тотчас из колючек шиповника; гребень урони с руки правой – так и вовсе лес встанет непроходимый в тот же миг. А уж руками махать да прудами с лебедями разбрасываться на пирах – так то всякая вертихвостка навроде царевны-лягушки может. Велика хитрость – вещицы природными чарами напитать да фокусы показывать. То ли дело магия леса.

Вспомнив про царевну, леший сердито засопел: не любил Дубовод Семидневич волшебницу молодую да из ранних! Поговаривали феечки, будто бы влюблена лягуха была в принца Ждана, всё ждала, когда он руку и сердце ей предложит. А он возьми да и влюбись в подружку лучшую, в фею лесную. Да не в простую, а в саму королеву! Всех девиц-красавиц разом царевич замечать перестал, мучился, пырхался, да и пришёл свататься вопреки воле отца.

Так и обженились они тогда по законам Вечного леса, наплевав на советы старших и на предупреждение Чоморы: не признает, мол, никогда, Беспардон Долдонович обряд лесной. А вместе с ним и мир человеческий в праве женой законно называться откажет.

Но влюблённая Амбрелла (Эллочка, как звали её близкие) по молодости лет и неопытности своей не принимала увещаний, а Ждан так и вовсе такие мелочи глупостью считал. Думали, глупые, царь-батюшка смирится да и признает невесткой королеву Вечного леса. Не тут-то было. Старый царь рогами упёрся, депозиты поотбирал, из замка выставил и условие поставил: либо государство и трон в наследство, либо любовь-морковь, но без короны царской.

Поначалу-то разъярился Ждан да ушёл, в чём был, жить к любимой. А было у него ни много ни мало тридцать три повозки добра разного. Пришлось даже отдельное крыло ко дворцу пристраивать, чтобы пожитки принца разместить.

«И жили ведь не тужили, – справившись с упрямым замком, спускаясь по ступеням в закрома, размышлял Дубовод Семидневич. – Гостей привечали, сами по гостям катались. Мёд-пиво пили. А вот, поди ж ты, как оно вышло...»

«Век живи – ничему не научишься», – эту мысль последние годы мусолил в себе старый управляющий и королевский учитель премудростям жизни. Ученики Дубовода за глаза прозывали Неделька: очень уж любил старый лешак путников-неучей водить вокруг старого дуба кругами по семи дней. А то, что неуч в лес попал, так то и моховому (1) видно. Ногами топает, аки дубыня (2), шорохов-вздохов боится, тени собственной пугается. А уже как от лешачьего наваждения избавиться, так вовсе не знает. Таких и проучить не грех.

Вот так и привёл лешак принца Ждана к королеве своей по глупости да поддавшись на уговоры гаевки-любимицы: красивый, мол, да пригожий, а глаза что озёра глубокие. Подвела под топор деда старого внучка окаянная! Потому и чувствовал старый леший вину свою вот уже который десяток лет, зато и любое желание своей королевы старательно исполнял в меру своих сил и возможностей.

Вот и теперь спускался в погреба старый лешак не просто так, а по принуждению: за волшебным говорящим зеркалом, что выменял давным-давно в подводном царстве через старого знакомого корабельщика Садко. Чудеса чудесные показывала вещица, коли знать волшебные слова. Подарок сей Дубовод Семидневич приволок королеве аккурат в день её рождения. Поигралась тогда госпожа с придворными феечками, повеселилась-посмеялась, заморские таинства разглядывая, да и отправила подарок в закрома. В своём доме куда как много интересного, невиданного да неизведанного. А вот теперь понадобилась зачем-то колдовская стекляшка.

«Быть беде, как есть быть», – покачал головой Дубовод Семидневич и велел полуверице, что богатства королевские охраняла денно и ночью, упаковать зеркало да в сиятельные покои королевы в тот же миг доставить.

Амбрелла сморщила хорошенький носик и дёрнула плечом, когда раздался стук в дверь: несчастные глаза лешака и возмущённое ворчание Чоморы раздражали. Но что поделать, приходилось терпеть: старые хранители леса служили в её семье с незапамятных времён и нянчили ещё её родительницу.

А когда, к несчастью, юная наследница леса и вовсе осталась без старших рода, что погибли при странных обстоятельствах, так и вовсе Чомора и Дубовод заменили ей родителей. Любовь и благодарность жили в сердце королевы, а потому снисходительно относилась она и к чудачествам старого лешего, и к опеке Чоморы.

Искреннюю заботу, что тонкими ниточками тянулась из глубин души и сердца, а не вырастала шиповником по принуждению или из чувства долга, лесные жители ощущали так же верно, как магию леса. Любовь, как и волшебство, струилась в их жилах, билась в сердцах. И горе тому, кто по незнанию или глупости, а то и по злему умыслу осквернял светлое чувство.

Чёрным ядовитым плющом покрывалась душа лесного народа, мрачные тени поселялись в зелёных глазах, счастье и радость постепенно отмирали в сердцах. Вместо них в самом средоточии жизни – в солнечном сплетении – зарождалось равнодушие и холод. Виновнику же оставалось уповать лишь на то, что обиженное существо, лишённое света любви, не будет мстить. А мстить духи леса умели изошрённо. И не сразу.

Именно холодность чувств и замечала последнее время в своей воспитаннице и королеве старая Чомора. И всё сильнее предчувствие беды холодило грудь, да так, что даже листочки из причёски стали желтеть и опадать, а цветы потеряли яркость и аромат.

Вечерами за чашкой чая, переделав все хозяйственные дела, вместе с Дубоводом судили-рядили, как быть да что делать. Ни единой мыслишки здоровой не приходило в их мудрые головы. Не ведали хранители-воспитатели, как спасти-уберечь своё чадушко ненаглядное от страшного ледяного морока, что тихой сапой медленно, но верно день за днём превращал сердце Амбреллы в глыбу льда.

Ни Чомора, ни Дубовод ни разу за долгие свои лета с такой напастью не сталкивались. В старых преданиях, сказаниях и книгах о такой беде упоминалось вскользь. Да и не влюблялся никто из фей долгие века в людей до такой степени, чтобы связать себя узами Вечной любви.

В разъединственной легенде, что откопали совы-книжницы в королевской библиотеке, и вовсе рассказывалось про глупого человеческого юношу, что приглянулся Снежной королеве да и принял добровольно в своё сердце кусок льда на веки вечные. Кабы не девица его отчаянная, так бы и остался бедолага в мёртвых чертогах на краю мира без ума и без памяти.

А тут дело другое, заковыристое: не смирилась Эллочка с потерей своей, простить, может, и простила окаянного, да вот радость по капельке ушла за годы долгие, что жила и надеялась, любила и верила. Потому морок и вполз незаметно в сердечко нежное, лапками ледяными солнышко души опутал, разум заморочил. И что теперь делать, как помочь любимой правительнице Вечного леса, к кому за советом бежать, у кого лекарства выпрашивать, не ведал никто в королевстве фей.

Амбрелла не обернулась, когда в апартаменты просочились юркие еноты и под руководством педантичной Чоморы установили принесённое из погребов волшебное зеркало. Не оглянулась она и тогда, когда старая хранительница, демонстративно ворча что-то неодобрительное себе под крючковатый нос-сучок, расставляла сладости и закуски на столике возле камина, в котором ароматно горел огонь, пожирающий зачарованные ветки сухостоя.

Переставив приборы, смахнув невидимую пыль, разложив салфетки, Чомора уж и не знала, что придумать, чтобы выпросить у Элочки, для чего ей зеркальце чужеземное понадобилось. Уж и про погоду спросила, да ответа не дождалась. И про дровосеков поведала, что деревья повадились губить на краю Вечного леса. Про зелёных жуков неведомых нажалилась, что с заморской стороны ветром заносит на погибель листья: грызут, паразиты, всё, что цветёт и пахнет, и нет на них никакой управы.

Про погоду королева промолчала. На человечков – губителей леса – дубынь наслала, отправив послание через дубовый листочек. За саранчу словечка не произнесла Чоморе, только тонкий, как паутинка, серый плат из шкатулки стариной вынула, дунула на него трижды, плюнула через левое плечо, да и выкинула в оконце.

И полетела стая злобных сорокопутов, среди лесного народца «палачами» прозываемых, в ту сторонку, где живоглоты зелёные нападение устроили. Не губить более гадам чужеземным лес волшебный, всех изведут хищники крылатые. Всё услышала Амбрелла, лесу Вечному помогла, но так и не обернулась, на Чомору не глянула, слова не молвила.

У дверей хранительница глянула на воспитанницу свою: стояла та у окна, не шелохнувшись, замерев, словно... змея перед броском. Вздогнула старая от промелькнувшего в голове сравнения, прищурила глазоньки и тихо охнула. Темнеть начали белоснежные волосы Амбреллы, пять чёрных прядей насчитала Чомора и ужаснулась: тьма недобрая, ледяная всё сильнее сковывала сердце лесной феи, изменяя под себя не только душу, но и внешность воспитанницы.

Охнула хранительница и торопливо вышла из королевского кабинета. Жестом отправила енотов восвояси на кухню и заторопилась к Дубоводу Семидневичу за советом. По дороге устроила нагоняй шустрым бурундукам, что в коридорах порядок наводили: «Шустрей прибраться надоть!» Под горячую нервную ветку Чоморы попали и белки-летяги: «Пошто плохо из паутины декоративной под потолками высокими пыль повыбили?!» Всем досталось на орехи, пока шла старая нянька к лешему с новостями страшными.

Дубовод отыскался на конюшнях: гонял молодых мальчишек-пажей из знатных семей волшебников да фей, что в обучение всем лесным магическим премудростям отдавались в королевский дворец в возрасте тридцати восьми годков от роду. Считалось, что к этим летам отпрыски набирались ума-разума, шалости забывали, остепенялись да в премудростях радость начинали находить, чтобы через два лета без забот и хлопот обрести гармонию со всей своей внутренней колдовской силою.

В сорок лет и одну ночь выросшие феечки полную власть над своим источником магии получали. А тонкие крылышки, что трепыхались за спиной у лесного народца с рождения (больше для декорации да полётов в малом облике), становились из прозрачных разноцветными. Со сменой окраса пробуждались и чары той стихии, которая преобладала в юных феях. За ночь крылья обретали свою неповторимую форму: увеличивались в размере, в мощи размаха, а потому отпадала необходимость уменьшаться до размера крупной бабочки, чтобы всласть полетать над землёй.

Вчерашние дети-несмышлёныши становились не просто взрослыми хранителями и магами Вечного леса – от букашки до могучих дубов, – но и живым источником нескончаемой природной магии. Оттого и не любили феи покидать пределы своего заповедного королевства в королевстве: в чужих царствах-государствах много желающих заполучить такой негаснущий магический резерв. Всего-то и нужно заманить фея в клеть, когда он в малом облике. Да так завлечь, чтобы и не догадался, что добровольно в темницу вошёл, загадками загадочными увлечься. Очень уж охоч лесной народец до тайн всяких и историй замудрённых.

Да и клетка та непростая: из дубовых не ломанных да не сорванных веток свить её надобно, чтоб не росла, но и не засыхала. Из такой темницы ни в жисть не выбраться маленькому человечку, сколь бы силён он ни был, когда полный рост обретает. А вырасти в той ловушке невозможно. И спастись можно только через королеву Вечного леса или похитителя уговорить-обмануть, чтобы тюрьму отпер.

Да только не бывало таких дураков, коим посчастливилось фея малого изловить и запереть, чтобы вдруг пленника отпускали. Прятали далеко и ото всех такую добычу на сто замков, на сто запоров зачарованных, заговорённых. Ибо государи Вечного леса беспощадны были в своём наказании, коли удавалось лесным сыщикам отыскать несчастного и разузнать, где его прячут-хоронят от света белого. Убивать не убивали, потому как существо живое, хоть и неразумное, слепошарое. Но гласили былины и сказания: лучше смерть принять из рук лесной феи, чем терпеть кару назначенную.

Оттого на такую глупость сподобиться могли только иноземцы. В тридцать пятом королевстве сто сорок первом царстве семьдесят втором государстве, на границе которого раскинулся Вечный лес, татей, рискнувших фею полонить, не бывало отродясь. Дубрава полумесяцем обнимала земли славного государства, и старики детям-внукам испокон веков заповедовали: ни за какие коврижки лесной народец не обижать, покой фейского заповедства

не нарушать. А коли уж приспичит в лес волшебный пойти, то испросить разрешения на границе у трёх сосенок.

Коли по кругу деревья после просьбы своей обойдёшь и в лесной полумрак окупёшься, радуйся – пустила королева в свои владения. А нет, так в трёх соснах так заблудишься, что к ночи не выберешься. А ругаться будешь, злиться и всяко разно обзывать лесовиков, так и неделю в деревьях блукать будешь.

Поджав губы и качая головой, наблюдала Чомора за тем, как молодёжь единорогов обихаживала: гривы чесали, хвосты в косы заплетали, венки на витые рога прилаживали. Цветочные украшения не одобрила, нахмурилась, собралась было что-то буркнуть, да тут её Дубовод заметил и, отдав распоряжения расшалившимся феям, степенно прошествовал через изумрудный луг к старинной приятельнице.

Заметив недовольно нахмуренные моховые брови Чоморы, леший замедлил шаг, но потом едва заметно улыбнулся в густые усы и продолжил неспешно подходить к насупленной хранительнице.

– Не ворчи, старая, – не дав и рта раскрыть Чоморе, остановившись рядом, миролюбиво произнёс лесовик. – Али сама молодой не была? Али не помнишь, как сила перед выходом искрила-играла, спать не давала, на чудачества подбивала?

Скривился нос-сучок, но промолчала старая нянька. «А и правда, чего это я? Молодозелено, пушай себе балуют, коли единороги не против, – и вздохнула тоскливо. – Как беда-напасть с Эллочкой приключилась, так я и света белого не вижу, и радость чужая как бельмо на глазу...»

– Ну что ты, что ты, – косясь на молодых, неловко похлопал хранительницу по плечу Дубовод. – Всё хорошо будет, и в нашем лесу мандарины зацветут на дубах.

Очень уж уважал заморский фрукт леший: и кисленько, и сладенько, и освежает. Чомора невольно улыбнулась, представив себе чудную картину: вековой дуб, усыпанный белыми мандариновыми цветочками. Вздохнула тяжело, стирая улыбку, оглянулась на дворцовые окна и тихонько произнесла:

– Не верили мы с тобой, старый, да всё, как в книге древней писано, одно к одному. И зеркало затребовала, и пять чёрных прядей у Элочки обнаружила. Неужто всё, конец пришёл нам? Приберёт к рукам тьма беспросветная девочку, погубит сердце золотое, и станет мрачной непроходимой чащобой светлый Вечный лес, ручьи – болотами, а мы – нечистью морочной злобной.

– Как же так? – всполошился лешак. – Что же делать? Может, зеркало-то разбить? Али на поклон к старейшинам за крыльями идти?

– Не отдадут, окаянные, – всхлинула-скрипнула Чомора. – Им дела нет до нашего горя. Решили – как отрезали! А и наплевать им было, что деточка без отца-матери столько годков росла, одна-одинёшенька премудрости жизни познавала. Мне ли было за сердцем золотца приглядывать? Да и куда мне, али я мать ей?! И откель занесло его в лес наш, окаянного ирода!

Тут Чомора заскрипела, как дверь несмазанная, крючковатым носом засопела. Дубовод торопливо прикрыл хранительницу спиной широкой от любопытных глаз феев, что закончили украшать единорогов и теперь искали, какую ещё весёлость совершить. И уже поглядывали в сторону наставника и королевской домоправительницы, прикидывая шалость безобидную.

– Ну будет тебе, Чома, будет! – не любил женских слёз старый леший, не терпел.

Коли девица, заблудившаяся в лесу, подвывать начинала от страха, Дубовод злился, ветками деревьев за подол крикунью хватал, волосы за сучки зацеплял, лишь бы побыстрее слёзы выплакала да замолчала. Но ревели обычно нерадивые да неумные. Кто поумнее да старших слушал, те знали, как от лешачьего наваждения избавиться. Чего уж проще: сняла одежду да наизнанку вывернула, глаза лешаку отвела – и вся недолга.

– А всё ты, старый дурень! – вскинулась вдруг Чомора, вытирая платочком нос. – Это ты ирода привёл окаянного на погибель нам!

И покатались слёзы-росинки из глаз-омутов старой хранительницы по глубоким морщинам.

– Да я что... Да кто знал... – забормотал Дубовод, так никому и не сказавший, что внучку любимую послушал тогда, да и заманил красавчика-принца.

– А ведь Эллочка тогда только в пору взросления входить начала. И пяти вёсен не прошло, как источник заискрился в сердечке её. Знамо дело, дитя невинное, любви истиной не ведавшее да не видевшее, всякий хмырь облапошить мог.

– Ну будет тебе, Чома, выкрутимся, не впервой, – пробасил, успокаивая подругу, лешак. – От Соловья избавились – и на морок ледяной управу найдём.

И охнул, получив осязаемый удар в грудь.

– Избавились... Да лучше б Соловей у Горы сидел! – в сердцах буркнула Чомора, успокаиваясь. – Ладно, слезами роднику не поможешь. Надо бы к Берендеевне навеститься, может, она что подскажет. Всё ж таки в двух мирах живёт: и в живом, в мёртвом. Глядишь, и научит, как от морока Эллочку спасти.

– На том и порешим, – протянув хранительнице сухой платок, покивал Дубовод.

Они ещё постояли чуток, обговаривая, где и как вечером встретятся. И разошлись по своим охранительным делам. Дубовод пошёл расшалившихся фей угоманивать. Чомора отправилась на кухню разгон устраивать да опосля апартаменты проверить: всё ли прибрали, проветрили, цветов ли живых новых в спальню Элочки принесли.

Позже сидела в кресле в своей каморке хранительница и почту королевскую разбирала: в одну кучку ненужный хлам со всякими кричалками-зазывалками. «Ишь ты, чего удумали: крем молодильный из слёз русалочьих! Вот ведь бездари! Да после такого кремушка и про молодость-красоту не вспомнишь – за русалкой в омут нырнёшь без памяти».

«Эх, и ведь на танцы не поедет, сердечная, откажется, – вертя в сучках приглашение от Полоза, золотом писанное, размышляла Чомора. – А ведь складно-то как: змей мудрый, человечьих царьков не позовёт к младшенькой своей праправнучке на первый бал. Все свои будут, тут бы Эллочка и приглядела кого, отвлеклась от мыслей мрачных, – призадумалась старая нянька да и отложила письмецо в другую сторону, где важные документы лежали. – Ну а что, а вдруг?» – мелькнула хитрая мыслишка.

Перебрав почту, сложила обе стопочки в разные шкатулочки и отставила до вечера. Важного-срочного ничего не прислали, потому за ужином Амбрелле можно показать. Ненужные зазывалки выкинула в ведёрко: хвостатые потом придут, к себе утащат. Любили лесные мыши запах бумаги и яркие краски на ней. Столько поделок бумажных зимними вечерами создавали в семействах: изящные шкатулки, звенящие занавеси, коробка для одежды – всего и не упомнишь, – а по весне людям продавали. Купцы человечьи из соседних царств-государств к празднику Солнца в немалых количествах съезжались, чтобы прикупить да перепродать потом у себя.

Мысли разнообразные хозяйственные и пустотельные крутились в голове Чоморы, загоня страхи поглубже. Впервые хранительница не знала, что делать и от кого помощи ждать. Ни мать её, ни прабабка не сталкивались с такой напастью. Да и в летописях фейских не встретилось ни строчки про несчастную любовь феи к человечку и про её разрушительные последствия.

Чомора поднялась и подошла к комоду в самом дальнем углу комнаты. Задумалась на мгновение, кивнула сама себе и открыла верхний ящик. Порылась нетерпеливо, разыскивая потрёпанную записную книжицу. Когда нашла, аккуратно разглядила обложку и вернулась за письменный стол. Достала чистых листов лилейника, взяла заострённую палочку и стала писать записку подруге своей старинной Яге Берендеевне Бабкиной.

Вспомнив подружку, Чомора расплылась в довольной улыбке: «Яга она и есть... Баба-яга», – фыркнула про себя, припомнив, какое прозвище придумали ученицы в лесной школе чар и магии Ягуше, чтоб на место зазнайку поставить. Как же, как же, самого царя Берендея дочка за одной партой с простыми хранителями учиться будет. Потом, конечно, дружба наладилась, да имечко так и осталось. Ещё и в мир ушло. Так и звали её людишки Бабой-ягой с давних пор и по сей день.

Записочка написана, ворон вызван и отправлен к Яге. Осталось только дождаться ответа от Берендеевны и в гости отправиться с надеждой на помощь. Чомора тяжело поднялась, опираясь на столешницу обеими руками, и отправилась на кухню с очередной проверкой: всё ли к ужину готово да какие сладости Эллочке наготовили. Может, захочет чего, деточка, а то с лица спала страшно, так и до кикиморы дохуеется.

Над Вечным лесом сгущались тучи грозовые, тёмные, со стороны северной заходили, к границе подбираясь. На окраинах уже пахло грозой. Три охранные сосны верхушки склоняли от ветра, а осинки и вовсе от страха тряслись. Где-то далеко грянул гром, полыхнула молния, отражаясь в зеркалах туч. Что-то несли они в себе нехорошее, бездушное. Но никто пока о том не ведал.

Глава 5. Элла, Эллочка, Амбрелла

Словно сквозь туман пробивались к Амбрелле слова старой няньки, но отвечать не хотелось. Да и отвечать нечего. Отправила на помощь лесу сорокопудов и дубынь, и снова замерла, сидя в кресле возле окна, равнодушно наблюдая, как текут по небу облака белые, перистые. Не понимала королева, что с ней происходит. Вроде и любви к бывшему мужу в сердце более нет. Да вот поди ж ты, задела-зацепила её женитьба Ждана до самой сердцевины души.

Что-то мутное, тягучее и обжигающее поднялось из глубин, захотелось если не отомстить, то сильно напакостить. А ещё лучше – болью отравить, чтобы понял неверный, каково это – любить и мучиться столько лет безответно, ждать и надеяться, что одумается и вернётся. И не понять, что страшнее мучило душеньку: крылья отобранные или любовь растоптанная.

Разум верх взял над злобой накатившей, и мстить Амбрелла не стала. Но письмо написала и отправила, и решение менять не собиралась. Очень хотелось ей, чтобы возлюбленный её бывший прочувствовал, каково это – с занозой в сердце жить, когда ни вздохнуть, ни выдохнуть не можешь. Когда солнце погасло, и краски яркие выгорели. Пенье птичье чудотворное ржавым карканьем воронов звучит. А в сказках леса и вовсе ужасы мерещатся.

Фея нехотя выбралась из уютных объятий любимого кресла с высокой спинкой, в котором пряталась от назойливой нянюшки. Мелькнула было мысль, что неправильно всё это, поговорить бы с Чоморой, успокоить, утешить, сказать, что всё пройдёт и светло снова будет. Любит ведь нянька её, неразумную. И Элла души в ней не чаёт. Но уткнулась думка, словно вешний снег под солнышком растаяла.

Холодно.

Амбрелла передёрнула плечами, подошла к резному шкафчику, распахнула створки и достала шаль-паутинку, пауками местными связанную, заговорённую на вечное тепло. Пух ласково прильнул к телу, но не согрел, только вызвал глухое раздражение: не таких прикосновений хотелось, другой ласки сердце ждало.

Холодно.

Не греет шаль душу омертвевшую, глыбами льда заваленную. Лёд остужает разум и охлаждает разбитые осколки, но острые грани царапают изнутри солнечное сплетение и не дают забыть, выкинуть из головы, встряхнуться и жить дальше. Столько лет ждать и надеяться, что образумится любимый, вернётся к ней, и жизнь наладится, боль уйдёт, а сердце вновь зажёётся в гармонии с Вечным лесом и миром. Затрепыхалась было умирающая надежда, когда старый король преставился. Да не судьба видно. Не пришёл, не написал, не ступил на порог со словами нежными, извинительными.

А потом нелёгкая царевну-лягушку принесла. Вот ведь зараза хладнокровная, дождалась-таки своего часа. Прискакала в своей коробчёнке посочувствовать, поддержать. А сама глаз жадных с лица не сводила, всё чувства разглядеть пыталась, эмоции уловить, подпитаться.

Говаривала Чомора, что зеленуха тёмным колдовством занялась, омолаживающим, эликсир чудодейственный создала да на нём озолотилась. Сеть косметических салонов по королевству открыла. И сама молодеет с каждым днём и часом.

А мазь та на слезах невинных дев замешана, на страданиях любовных и печалях души. Оно всегда так и бывает: чужое горе другому в радость. В человеческих семьях такое частенько случается. А если приправить лицемерным сочувствием, так и вовсе эффект усиливается: намазалась вся – и тело до того лёгким становится, словно только на свет народилась и впервые над лугами взлетела на крыльях тоненьких.

Амбрелла крем тот в глаза не видывала, хоть и предлагала ей заклтая подруженька баночку. Да не нужна ей красота и молодость такой ценой. Из души краса вырастает, в ней же и расцветает пышным цветом. Чем солнышко новорождённое в сердцевинке существа живого

подпитывать первые годы жизни, такой и жизнь будет. Любовью да заботой – вот и добрым малыш вырастет. А коли злобой да завистью – хорошего не жди.

Потому и не понимала сейчас Амбрелла, что с ней происходит, отчего холод в душе поселяется, а сердце всё меньше и меньше на радости реагирует, равнодушно в груди постукивает. Оттого и стала искать в книгах древних, фолиантах заморских ответы на свои вопросы незадаанные. В одной рукописи про зеркало прочитала, мол, всё знает. Поможет, научит, подскажет. Вспомнила, что в закромах стекло волшебное имеется, велела принести. Вот теперь стоит перед ним и мучается: что спрашивать, о чём загадывать?

Амбрелла взяла со стола яблоко, отошла к окну. Равнодушным взглядом скользнула по чудной парочке: Чомора и Дубовод о чём-то шептались посреди двора. Вот нянька суетливо оглянулась на окна её кабинета и, не заметив в проёме арочном воспитанницу, продолжила что-то горячо шептать лешему, утирая нос платочком, королевскими руками вышитым, на день трёхсотлетия подаренным. Молодая у неё нянюшка, шустрая. А всё старушкой прикидывается.

Глянула на молоденьких феечек, что развлекались с единорогами, и невольная улыбка тронула бледные уста королевы. Вспомнилось на секундочку, как сама маленькой была, в хвосты ерожиков цветы вплетала. Как силушка в крови бурлила, на волю просясь. Забилось было сердечко в другом ритме, живом и горячем. Да тут же память услужливо картинку подсунула, как на этих самых зверях волшебных по лесу Вечному со Жданом катались, сбегая от заботы ворчливой Чоморы.

И кольнуло внутри, стих стук сердечный, выровнялся. Ледяные пальцы сжали виски, ладони холодные погладили сердцевину солнечную, прогоняя жар душевный, гася угольки робкие, изморозью покрывая мир Амбреллы. Яблоко из рук выпало и покатилося по полу, но королева не заметила, погрузившись в воспоминания.

* * *

Амбрелле исполнилось только-только сорок четыре лета, когда с её лесом первая трудность приключилась. Поселился под горой Живун на семи дубах злодей злодейский – Соловей-разбойник. Были бы живы батюшка с матушкой, никто бы и не закручинился, враз бы врага восвояси выпроводили. А Эллочка только-только венец королевский приняла, мудростью не владела, многого знать не знала, ведать не ведала. А сердце молодое да горячее к разуму не прислушивалось, требуя немедля злодея изгнать и наказать.

В одночасье не стало правителей-родителей, исчезли в один день – и с концами. Искали их долго, да не нашли. Земля молчала, ветра не слышали, луна и месяц не видывали ни в каких краях дальних короля и королеву. Потому и венчали на царство юную Амбреллу, приставив к ней опытных и мудрых учителей по наукам: по лесным загадкам, по природным явлениям, стихийным бедствиям, придворному королевскому этикету, наколдованным чудесам. Да опростоволосились: академик по государственным связям с людьми, профессор человеческих душ, женился неожиданно-негаданно на Гретель и отбыл в страну заморскую Чопорию.

Ни Чоморе, ни Дубоводу, ни даже Совету старейшин и в голову не пришло, что юная королева умудрится полюбить человека. По договору со всеми царствами-государствами в зачарованные леса, коих немало раскинулось по землям, нога человекья ступить могла только с позволения королевского. А уж про рубку дров али разрушения какие речь и вовсе не шла.

Не терпели феи, когда природу мучили, в дубравах-рощах шумели, мусорили, ветки без причин ломали. И только единожды в месяц волшебные леса принимали гостей человеческих в свои недра, позволяя грибы-ягоды собирать по сезону, траву-муравку лекарскую. Но своеволия не позволяли, могли и навечно в себе оставить за грубость какую или ветку специально сломанную. А потому в основном на сборы ягодные девицы и бабоньки ходили. Одних моло-

док незамужних не пускали ни при каких обстоятельствах: а ну как фей соблазнит или, того хуже, лешак в жёны заберёт!

В благодарность окрестные жители подарки оставляли чудные: чаши каменные, ткани, вручную расписанные, предметы механические, без магии работающие. Лекарям да знахаркам вовсе разрешение королевское выдавалось на постоянной основе: люди они ведающие, глупости в лесах не творят, правила лесные уважают. Тёмных колдунов да человек с чёрной душой Вечный лес и вовсе в себя не пускал. В трёх соснах блукали такие недруги. Пока не падали с ног от усталости. А самые настойчивые да упёртые и вовсе сквозь землю проваливались. И где потом объявлялись на свет белый, никто особо не интересовался.

Каким ветром на границу с Вечным лесом принца Ждана в тот несчастный день занесло, до сих пор непонятно. Проскакал бы мимо да вернулся к своим егерям-охотникам, свите придворной. Но увидела его гаевка, внучка Дубовода Семидневича, – и бегом деду докладывать: так, мол, и так, справный принц на коне коло леса ошивается, а ну как поможет королеве с Соловьём совладать. Всё ж таки одного корня ягоды, кровей человеческих да и мужеского рода оба. А знамо дело, мужик мужика поймёт издалека. На свою беду, послушал неразумную старый леший, завёл Ждана в лес, королеве показал. И завертелось.

Выслушал тогда принц Амбреллу, и хоть и сбледнул с лица, да храбро в грудь себя стукнул и поклонился Соловья-разбойника извести.

Собрали его в путь-дорогу, пару вещиц волшебных для удобства дали: салфетку-самобранку походную, стаканчик-наливайку для питья. Ну и по мелочи всяко-разно собрали: плащ-невидимку, свисток-зазывалку (свистнешь в него три раза – слетится птиц видимо-невидимо), одеяло-на-земле-спало (расстелешь на привале – мягче перины станет, в любую стужу согреет, под любой размер и форму подстроится). И отправили королевского сына на битву страшную, на подвиг ратный.

Вернулся принц Ждан в королевский дворец с победой ровно через неделю. С лица опухший и помятый, словно неделю на булыжниках спал. Руки белые тряслись, ноги не держали. Амбрелла выбежала сама лично встречать героя, слуги верные в палаты героя повели, на перины пуховые отдыхать уложили, предварительно попарив в баньке да окунув в купель с живой водой. Уж больно запах от принца шёл неприятный.

А после пир был на весь лесной мир. И с замиранием сердца Амбрелла слушала повесть о ратных подвигах Ждана, что аки лев бился неделю без продыху с окаянным Соловьём-разбойником. И одолел-таки врага в бою жесточайшем. Однако убивать не стал, пожалел, отпустил с миром злыдня, взяв с него слово крепкое, что более тревожить лес и нервировать королеву Амбреллу не будет Одихмантьев сын.

На что запала в тот день юная фея, ни разу до того любви не ведавшая, кто теперь поймёт. То ли героя могучего, благородного нарисовало ей воображение, то ли милосердие принца Ждана к поверженному врагу пришлось по сердцу, да только глаз восторженных не сводила она с прекрасного мужского лица, каждое словечко ловила, затаив дыхание, ручки нежные к груди прижимала. А сердце колотилось в горлышке как сумасшедшее. И расцветали в нём цветы дивные, пели птицы песни сладкие, малиновым цветом разгоралось щемящее чувство в солнце души.

Во время пира королева Амбрелла пригласила царевича погостить в королевстве фей. Ждан, недолго думая, с радостью согласился. Попросил только отправить весточку батюшке, что, мол, жив-здоров, в гостях задержался, скоро будет. А сам так и норовил то ручку королевскую поцеловать, то самый вкусный кусочек в тарелку девичью положить, то в глаза томно так с тайным значением заглянуть. И понеслось!

Пир закончился. Принц остался. Ухаживал Ждан за Амбреллой красиво: серенады под окнами пел, романтические прогулки устраивал, цветы дарил, венки плёл. Часами разговаривали друг с другом и наговориться не могли. Каждый день на рассвете вместе гуляли по Веч-

ному лесу и пешим ходом, и на единорогах. Королева привыкла на утренней зорьке сама лично владения свои обходить-объезжать, с каждой проблемой и проблемкой разбираться. Принц Ждан разочек с ней напросился на прогулку, да так и катался потом ежеутренне. Возвращались оба счастливые, умиротворённые, за руки держась. Вместе завтракали, затем Амбрелла королевскими делами занималась, а принц подле неё сидел. Когда с книжкой, когда с пером и бумагой, когда просто так, глаз не сводя с прекрасной феи.

После дел государственных принц Ждан стихи Эллочке читал собственного сочинения, восхваляя красоту её девичью, разумность её государственную, мудрость и справедливость королевскую. Про любовь свою разговаривал, целуя пальчики трепетные.

Через месяц пришла пора влюблённому принцу восвояси отправляться: государь-батюшка Беспардон Долдонович затребовал наследника домой. Дела государственные не терпели отлагательств, пора и честь знать. Расстроенный Ждан обещал вернуться. Влюблённая Амбрелла подарила ему хрустальную капельку, чтобы связь поддерживать. Русалки лесные расстарались, приволокли своей королеве в дар. Капнешь на ту каплю слезой али водой, глянешь – и в тот же миг возлюбленного увидишь. Даже и пообщаться недолго возможность имела.

Принц Ждан ускакал, но обещал вернуться.

И вернулся три месяца спустя. К тому времени и Чомора, и Дубовод, и все лесные жители осознали печальную истину: королева Амбрелла влюблена без памяти в человеческого принца. Вечный лес замер в ожидании. И радостно отмер в день возвращения возлюбленного Элочки. Королева расцвела, едва услышала зов лесных стражей, и велела немедля пропустить Ждана в королевство и доставить ко дворцу.

Увидев Амбреллу, встречающую его на крыльце, принц слетел с коня и подхватил возлюбленную на руки. Позабыв о зрителях – дворовой челяди – целовал глаза её фиалковые, щёчки алые, смущённые, губы сахарные, маковые. Впервые за то время, что Ждан отсутствовал, подданные Элочки вновь услышали её звонкий хрустальный смех, похожий на весёлую весеннюю каплю. Увидели солнечную улыбку, озаряющую глаза светом любви. И осознали: любовь истинная с королевой приключилась. А вот к добру или к худу – не ведали того жители Вечного леса. А влюблённые и вовсе на будущее не загадывали.

Ещё год Амбрелла и Ждан встречались, миловались, в любви друг дружке клялись. И вот наступил момент, когда принц осознал: нет милее и краше его феи на всём белом свете.

Царевна-лягушка, что в гости ко двору частенько заезживала, королю Долдону снадобья странные для силы мужской и продления жизни привозила, казалась холодной и надменной. Несмотря на платья, которые словно вторая кожа её тело обтягивали, да декольте глубокие, манящие, медовые сладости обещающие. Да и умна была не по-женски: всё свободное время в лабораториях своих колдовских проводила, что-то химичила, опыты ставила, зелья варила.

Не запала в душу и внучка Красной Шапочки. Бабуля привозила на каждый бал свою красавицу, фифу заграничную. Много было общего у Ждана и Гримхильды: оба любили наряды и красоту свою холили да лелеяли, оба ни одного зеркала не пропускали, прихорашиваясь ежеминутно, оба про все последние писк модные первыми узнавали и являлись эталонами стиля и элегантности. Но... терпеть рядом с собой женское отражение самого себя принцу не улыбалось.

Гримхильда, кстати, не сильно и расстроилась, когда наследник дал ей понять, что дружба дружбой, а жениться не станет. Быстренько окрутила какого-то вдовца в возрасте с ребёнком, вышла замуж и отправилась покорять красотой своей неземной подданных мужа и падчерицу. Ходили слухи, что короля своего красавица Грима в два счёта к рукам прибрала, а затем и вовсе в могилу свела, чтобы единолично царствовать, покуда девчонка-принцесса в возраст наследницы не вступит.

Не ко двору пришлась и Варвара-краса, длинная коса, дочь владыки морского: больно худая да юркая, что твоя вобла.

На Алёнушку было загляделся принц Ждан: и глаза большие, и коса русая до пят, и фигуристая со всех нужных сторон. Да братец у неё... козлом оказался. Так и норовил в казну царскую пролезть да унести из дворца всё, что плохо лежало. Выгнал его государь Беспардон вместе с сестрицей, пока всё со двора не пропало.

А потом выяснилось: брата с сестрой по всем городам-весям межгосударственное сыскное бюро разыскивает за мошенничество. Прибывала парочка в город-столицу к люду доброму, преимущественно богатому, желательно царских-боярских-княжьих кровей, под видом графских детей, а когда княжеских отпрысков-сироток, втиралась в доверие, все балы-рауты посещала. Алёнушка иной раз и в невестах ходила, подарки от женихов получала. А как всю подноготную про добро-богатство и ценности прознавали, так братец козлёночком оборачивался и на скотный двор попадал через верных людей.

Как ночь наставала, Иванушка добрым молодцем-домушником перекидывался, сестрицу в дом впускал, и шерстили они закрома боярские-княжеские, а на безрыбье в малых городах и купеческими не брезговали. Так что вовремя батюшка-царь спровадил сестрицу Алёнушку с братцем Иванушкой – отвёл беду от ворот.

Сватал ему государь и Дюймовочку в отчаянье, когда узнал, что наследник в королеву фей влюблён. Да что с той лилипуткой делать? Ни лица, ни тела – так, стебелёк с глазками.

Хоть и ветреный да охочий до женского полу был наследник, да фее своей не изменял всё то время, что невесту ему сосватать пытались. А как поток принцесс да всяких королевичиш иссяк, тут же и сбежал к любимой в Вечный лес. Пока царь Долдон опомнился, принц Ждан уже и помолвку справил со своей королевой.

Государь осерчал на сына, велел вернуться под крыло родительское. Наследник и прибыл за благословением отцовским с подарками от невесты своей. Да не тут-то было. Ногами топая, слюною брызгая, голос срывая от ярости, высказался Долдон от души за отродье всякое лесное волшебное, что ни богатства, ни власти, ни земель не прибавит семьдесят второму государству тридцать пятого королевства сто сорок первого царства. Повелел сию минуту дурь из головы выкинуть и на дев человеческих прекрасных пристальней глянуть да выбрать наконец законную супружницу и внуков ему тотчас нарожать.

Принц Ждан характером-то в батюшку пошёл, такой же... долдон упёртый уродился. Упёрся рогом – и ни в какую: люблю, говорит, не могу, королеву фей. И приданное за ней богатое, и земли волшебные имеются – что, мол, батюшке ещё надобно?

А царю одного хотелось: границы государства расширить. А Вечный лес к рукам прибрать даже путём свадьбы-женидьбы с наследником не удастся. В своё время пробовал Беспардон Долдонович обворожить-приворожить предыдущую королеву фей, сгинувшую мать Амбреллы. И даже вполне уверил себя, что влюбился в прекрасную лесную волшебницу. И встречу случайную подстроил, и красиво ухаживал, и подарками задаривал, и замуж звал. Чуть было не совершила королева Левзея опрометчивый поступок. Уж и замуж собралась по законам человеческим, да душа маялась, грызло что-то изнутри, покоя не давало. А когда выяснил Беспардон, что не бывать ему королём Вечного леса ни при каких условиях и лесные территории ни на словах, ни на карте своими назвать не придётся после женидьбы, сильно разозлился.

Тут-то и полезла из него гнилая чернота, и тёмное нутро верх над разумом взяло. Подаренную возлюбленной феей Левзеей волшебную силу во вред Вечному лесу начал пользоваться тишком по злему умыслу: то на зверей бешенство нашьлёт, то птиц потравит, то паукам яду подкинет, от которого паутина слипается, тонкой ниточкой не идёт. Сам же натворит делов, сам же и помогает их разгрести, перед невестой выслуживаясь. А попутно всё пути-выходы искал: как бы полноправным правителем Вечного леса стать да владения волшебные под себя подмять.

И долго никто понять не мог, отчего королева Левзея не выгонит женишка да не накажет за пакости, пока случайно не выяснилось, что Беспардон с ведьмой тёмной сделку заключил, чтобы та фею лесную приворожила и приворот тот поддерживала. Поскольку человечья волшба надолго к лесным жителям не прилипала, старая злыдня нашла слабое звено в королевском рационе.

В излюбленное лакомство феи – молоко божьих коровок – тайком ото всех добавлялся истолчённый порошок лепестков фиалки, а самих коровок ни с того ни с сего пасти стали на полянке, заросшей любистоком. И фиалка, и любисток – сильные средства для того, чтобы сердце чужое в сетях заговорённой любви навечно запутать.

Коли человека таким зельем напоить, тот до скончания века своего рабом приворожившего будет. С феями сложнее: без ежедневной подпитки злое колдовство в чистой силе внутренней к рассвету растворяется. Потому поутру обязательно приносил Беспардон возлюбленной своей на подносе чашку молока с приворотом, с ласковой улыбкой подавал яство Левзее и контролировал, чтобы до доньшка выпила.

Злодейство раскрылось случайно. Погостить к тогда ещё юной Чоморе приехала на каникулы подруга яга из лесной школы чар и магии. Потомственная лесная ведьма, дочь царя Берендея, юная колдунья сразу заподозрила неладное. На пару с Чоморой девица провела тайные изыскания и вычислила тёмный заговор.

Царь Беспардон из женихов тут же вылетел, ведьму тёмную нашли, и королева Вечного леса жестоко её наказала, лишив сил магических на веки вечные. Из нутра злобного вынула почерневшее солнце души да и запечатала в клубок-колобок, наложив заклятье поиска. А после спрятала в погребах королевских. Время от времени тот клубочек из тайника доставали и добрым людям в помощь презентовали: бросишь его на путь-дорожку да скажешь, что искать, он тебя и приведёт к желаемому. Так постепенно светлел колобок, чернота из спрятанного солнышка уходила.

Когда же прознал царь Беспардон Долдонович, что принц наследный в королеву Вечного леса влюбился да браком магическим сочетаться с ней желает, взбесился не на шутку. Знал государь: после такого брака Ждан окажется непригодным для тайных заговоров, потому как клятва брачная ограждать его от людей-предателей будет. А среди лесного народа сподручников Беспардон и женихом будучи не нашёл, и сейчас вряд ли отыщет. Поэтому невыгодными счёл такие узы царь-батюшка, жаждавший за счёт принца и будущей невесты его землями обогатиться да к рукам побольше прибрать через приданное.

Наследником лесного трона от такого смешанного брака могла стать только девочка. Только женской силе покорялись стихии, и только магия женской души могла усмирять живой источник, что в недрах горы Живун с незапамятных времён находился.

Как ни крути, со всех сторон царю Беспардону Долдоновичу не выгоден был брак единственного наследника с юной королевой Вечного леса. Потому и объявил он своё решение: либо трон и наследие, либо вон из дома и жена из фей. Ко всеобщему удивлению, принц выбрал возлюбленную свою, лесную королеву, и отбыл из царских хором с чем был.

Советники охали да ахали, за головы хватались. Лишь государь спокойным оставался: хорошо знал сына царь-батюшка, уверен был, и года не пройдёт, как вернётся неразумное дитё в отцовские объятия. Быть на вторых ролях наследник не привык. А первым в королевстве фей ему стать никто не позволит.

Глава 6. Ах эта свадьба, свадьба, свадьба...

Свадьба царская катилась как по маслу, соблюдая все традиции, приметы и таинства. Дым стоял коромыслом, хвосты и причёски торчали трубой, пир – горой. Тут тебе и каравай хлебосольный, и обсыпание хмелем, орехами и монетами золотыми-серебряными на богатство и счастливую жизнь. И длинный свадебный поезд с гиканьем, катанием по столице и запечатлением у памятных мест на чудо-фот.

Аппарат сей вместе с приданным привезла из земель заграничных невеста государева – герцогиня Синди де Рэлла. Агатовая коробочка с круглым стёклышком после нажатия на кнопку в виде камушка драгоценного выдавала волшебные картинки с физиономиями людскими, на которые направлена была. И привела сия вещичка всех прихвостней во дворце ждановском в изумление.

Когда первая волна сомнений и недоверия прошла, придворные наперебой кинулись к купцам заморским и поверенным своим, кои по заграницам по делам находились, вестников слать с наказами «приобрести, купить, прислать сей же миг» диво-дивное. И теперь по новой зародившейся традиции свадебный кортеж с музыкой и хвалебными здравницами в честь молодых останавливался у любых мало-мальски интересных памятников и скульптур, чтобы сделать чудо-фоты.

Дамы выпячивали губки бантиком, отклячивали крутенько бёдра, дабы все могли узреть их плавные изгибы, выставляли кокетливо ножки из-под краешков вычурных платьев. Самые смелые, визжа и прикрываясь веерами, поднимали юбки аж до колен, являя миру кружевные чулки разных цветов. А затем подбегали к мастеру чудо-фота с просьбами сей же миг показать их на карточках, которые спустя минуту являли миру прекрасных дев во всех принятых ими позах. И топали яростно прекрасными ножками, коли выходило не так, как им чудилось, а вовсе даже наоборот.

Кавалеры подбирали животы, распрямляли плечи, оглаживали бороды и бородки, у кого имелись в наличии, и, насупив брови, пялились в волшебный окуляр. Добры молодцы помладше и вовсе скидывали кафтаны и заморские пиджаки с карманами, дабы покрасоваться перед молодками мускулами, сквозь рубахи тонкие проглядывающими.

Девы незамужние пищали и робко трогали пальчиками бицепсы-трицепсы. Мамаши снисходительно улыбались, приглядывая дочкам женихов, не допуская чересчур уж вольных вольностей. Замужние дамы завистливо вздыхали, не имея законного повода к кавалерам подойти столь близко, и, блестя глазами поверх раскрытых вееров, пристально разглядывали чужие наряды да кокетливо косились на мужей, силясь разжечь в них пожар былой любви и страсти.

Мужья же, приобняв жён, откровенно пялились на молодоков, время о времени получая от своих благоверных по лбу сложенными веерами, и украдкой вздыхали по молодецкой удали и свободе, канувших в Лету.

Бурными водами прокатившись по улицам белокаменной, влетел кортеж на царский двор. На красном крыльце в новом дорогом алом кафтане встречал молодых с гостями сам Бабай Кузьмич. Окромя него некому было благословить молодого короля, у которого отцаматери не осталось. По такому случаю домовую бороду расчесал, маслами пахучими умаслил, лопаточкой на широкой груди разложил. От важности собственной и волнения старый хранитель пыхтел, раздув щёки и порывкивал на молодых домовят, что вдесятером на рушнике держали перед ним огромную свадебную ковригу с хлебом-солью.

Царь Ждан и молодая царица из кареты степенно вышли да чинно рука об руку пошли к крыльцу. Народ дворовой да люд гостевой начал здравницы кричать-поздравлять, розовыми лепестками и монетками осыпать. Подойдя к Бабаю Кузьмичу, поклонились молодые домо-

вому, как отцу названному Ждана. Склонили головы, речь приветственную выслушали, голубков с боков каравая в руки приняли да, обменявшись ими, накормили друг друга, под свист и хохот гостей щедро окуная в солонку.

Подал затем им домовой две лучины, и поднесли домовята малые уголёк из дома царского, дабы зажгли царь да царица огонёк в очаге своём на долгие лета счастливые. Отчего-то палочки не хотели разгораться, Ждан уже и злиться начал, косо поглядывал на домового. Но тут огонёк вспыхнул, и все вздохнули облегчённо: быть союзу царскому нерушимым. А вот насколько долгим брак царский окажется, то видно будет потом, когда лучинки догорят. Потухнут вместе, до самого кончика догорев, так и молодые доживут до седых висков счастливо. Поговаривали, деревенские даже на долгую жизнь загадывали: чья палочка первой потухнет, тот из супругов первым и за край уйдёт.

Встречальные обряды закончились, и молодой царь-батюшка с царицей своей Синдией, в народе Зинаидой прозванной из-за непривычного заморского имечка, взошли на крыльцо, повернулись к гостям, поклонились и на свадебный пир позвали. Ломанулись гостюшки дорогие, чуть с ног друг дружку не сбивая: успеть бы местечко получше занять да поближе к царской чете. Глядишь, во время пира под шумок что-то выгадать случится али выпросить-выпросить.

Да и просто так уши погреть не помешает, мало ли какие тайны услышатся, слова скажутся. Наутро после свадьбы, попивая рассольчик, отдыхая на пуховой перинке, всё-всё с трудом, но вспомнится да запишется в книжицу заветную. А потом, по надобности, можно и кляuzu написать на заклятого друга, а то и поприжать, выторговывая нужные нужности.

Свадьба пела и плясала, веселье становилось всё разнузданней и горячее, кубки вином пенились, мёдом хмельным, столы от разносолов ломились. Гости веселились и танцевали, молодых поздравляли, дары подносили. Кто пошустрей да понаглей, успевали в круговерти дела порешать, Бабаю Кузьмичу прошения для царя-батюшки передав.

Хабары (1) золотом али ещё чем дорогим домовой не принимал ни от кого, но вот от хорошего табака отказаться сил не доставало. Любил старый домовик, переделав все дела царские, трубочку пеньковую табачком душистым набить да с книжицей доброй посидеть, покачиваясь в кресле-качалке, что царица-матушка покойная подарила в день, когда молодой Бабай вместо отца своего стал домоправителем и хозяином дворца.

Потому и подносили Бабаю Кузьмичу за ласку его и благосклонность свёрточка с душистым зельем. Да каждый норовил изысканный, необычный аромат подыскать, чтобы домового удивить для большего расположения к просителю. Домовой хоть и уважал более всего самосад душистый, что на поле дальнем для него выращивали, но от махрушных подношений не отказывался. Под настроение трубку курительную подарочным табаком набивал, дымил, думу думал. Прислуга и домовята твёрдо знали: коли тянет яблочным дымом из-за двери бабаевской, значит, день хорошо прошёл. А если горелыми кофейными зёрнами с утра несёт, всяко ночью что-то стряслось, и тут ховайся не ховайся, всем сгоряча прилетит-достанется.

Вот и на свадьбе царской карманы кафтана у домоправителя топорщились уже от свёрточков. Бабай Кузьмич степенно зал оглядел, на всех гостях и дворовых взор на секундочку задержав, и, решив, что может позволить себе недолгое отсутствие, неторопливо отправился в свои комнаты: табачок выложить да прошения бегло глянуть.

Ближе к вечеру свадебный пир разбился на островки по интересам. Тут тебе купцы собрались – бородами трясут, пошщины обсуждают. В том углу бояре глаз со Ждана и молодой царицы не спускают. Около царского стола заморские государи-князья расположились. Как только гости скучать начинали, веселье подутихало, тут же Огневушка-Поскакушка выскакивала с играми да забавами весёлыми. Чего только гостям делать не пришлось: и через верёвочки прыгать, и загадки разгадывать, и на платочке малом танцы танцевать.

Мамки-няньки да боярыни придворные около царицы крутились, прислуживали-выслуживались, оттерев от государыни горничную личную, кою герцогиня с собой привезла из дома отчего. Синди морщилась, но терпела, не сводила влюблённых глаз с мужа-красавчика.

А муж, Ждан Первый Беспардонович, под конец пира свадебного и вовсе позабыл про молодую жену, перебрался за столик к Соловью-разбойнику выпить, поговорить, юность вспомнить. Горыня Змеевна с усмешкой глянула на всё это дело гиблое и отправилась во двор с молодцами силушкой помериться, косточки поразмять от сиденья за столами долгого.

Обнявшись, Ждан и Соловей затянули пьяными голосами: «Я свобо-о-оден, сло-о-вно-о птица в небесах... Я забуду голос тво-о-й, и о той любви земно-о-й, что нас сжига-а-ла в пра-ах, и я-а сходил с ума-а... В моей душе нет больше места для тебя-а-а!»

Рок-кот Баюн, сморщив усы, тяжело поднялся из-за стола, махнул музыкантам, взобрался на сцену и подхватил ждановские завывания хорошо поставленным голосом старого рокера. Через минуту гости мужеского полу, задрав к потолку руки, раскачиваясь в такт музыке громко подпевали, горляня на все лады: «Я свобо-о-о-ден! Я свобо-о-о-ден!»

Царица снисходительно улыбнулась, поднялась из-за стола, подхватила пышные юбки и отправилась в комнату отдыха для дам. За ней потянулись придворные дамы. Девицы на выданье остались в пиршественной зале под приглядом почтенных мамаш, которые без усталости всю свадьбу бдели и наблюдали, высматривая приличных женихов. Где, как не на свадебном пиру, мужчина раскрывается во всей своей красе. Тут тебе полный набор «психьей логики» поднимает голову и выползает на свет белый: и агрессия, и слёзы, и сластолюбие, и жадность, и ревность.

В розовом будуаре, где разместились царица с дамами и барышнями, мужские подвывания были едва слышны. Девицы принялись болтать, прихорашиваться, угощать Синди-Зинаиду сладостями, приготовленными слугами на малых столиках по всей зале. Бывшая герцогиня, а ныне молодая жена государя, впившись жемчужными зубками в сладкий персик, кушала и слушала, наматывая на золотую прядку все секреты и секретки, что трещотки выбалтывали на голубом глазу, не следя за языками. А преданная горничная сидела по правое плечо от государыни чуть поодаль и самое интересное записывала в заветный блокнотик.

В бально-пиршественном зале тем временем начались танцы под песни в исполнении кота Баюна, который за каждый заказ требовал то монету золотую, то бокал медовухи, а то и вовсе желание. И понеслась: петухами кукарекали, жеребцами гарцевали, зайцами прыгали. Ждан мутным взглядом обводил разгулявшихся гостей, криво улыбался и плакал Соловью в плечо за жизнь, за баб стерв и снова за жизнь царскую нелёгкую.

Вернувшийся в залу Бабай Кузьмич головой покачал, на царя-батюшку глянул, подошёл к Огневушке-Поскакушке. Та быстренько к коту поскакала, на ухо пошептала, и котяра объявил прощальный танец молодых. Свет приглушили, царицу позвали, свечи в руки взяли и пошли большим и малым кругами в разные стороны вокруг молодожёнов, что в сердцевине хороводов не танцевали, а скорей, покачивались в такт музыке. «Мы же-ела-ем ща-а-а-сътья-а-а ва-ам!» – подпевали разухабистыми голосами гости, перекрикивая музыку и заглушая самого рок-кота.

Последний обряд завершили, фату с невесты сняли, Ждан накинул новоявленной жене на голову платок из тончайших кружев и повёл её в опочивальню. Веселье же продолжилось, покатило дальше до утренней зорьки.

В спальне новобрачным слуги помогли разоблачиться, в ночные одежды обрядиться, каждого в отдельном будуаре к брачной ночи подготавливали. Когда молодая жена, трепеща, переступила порог супружеской комнаты, на брачном ложе, развалившись звездой, уже похрапывал Ждан в белых подштанниках шёлковых и рубаше вышитой. Вздохнув, царица с трудом перекатила муженька на правую половину кровати и улеглась почивать, невольно всплакнув перед сном.

Где-то перед рассветом Ждан вдруг распахнул глаза, прижимая к груди руки: сердце колотилось как сумасшедшее, прогоняя остатки тошнотворного сна. Немного пообвыкнув в темноте, царь откинул покрывало и, покосившись на мирно спавшую рядом новоявленную жену, осторожно спустил ноги на пол. Нашарив тапочки с загнутыми на восточный манер носами, государь обулся, и, стараясь не шуметь, отправился прочь из опочивальни. Жажда гнала его на поиски живительной воды. Во рту едва ворочался язык от выпитого на пиру, от острой любимой пищи в желудке бушевал пожар.

Выпав в коридор, царь обнаружил спящего под дверью домовёнка. Возле него стоял сервированный столик. Схватив запотевший кувшин, Ждан жадно припал к горлышку. От странных хлюпающих звуков проснулся домовик и перепугано посмотрел круглыми глазёнками на хозяина. Бабай Кузьмич хорошо знал своего царственного воспитанника, потому и оставил на страже юного доможила, строго-настроено велел не спать, а ждать, когда государю помощь понадобится. И теперь, проспавший всё на свете, молодой доброхот с ужасом ждал наказания. Напившись, Ждан утёрся рукавом, покосился на перепуганного домовёнка и, велел тащить поднос за ним, отправился в кабинет.

Прислужник подхватил со стола разнос с кувшином и снедью и посеменял за царём, изо всех сил стараясь не наступать мужчине на пятки. В апартаментах неосторожно громыхнул, составляя на стол тяжёлую ношу, замер, скосив глазёнки на государя. Но государь и не заметил, стоя возле окна, почёсывая эспаньолку, пялясь в предрассветное небо. Домовёнок шустро составил всё на столешницу, пискнул, интересуясь, не нужно ли чего ещё батюшке-царю подать, и исчез, оставив Ждана в одиночестве.

Вырвавшись из кабинета, протерев кулачками глазёнки, домовик секунду-другую подумал, да и помчался на доклад к Бабаю Кузьмичу: виданное ли дело, в первую брачную ночь молодой муж от жены-красавицы сбегает! Рассолу не требует, вина не просит, а стоит истуканом около окна да головой качает, словно сам с собой беседы ведёт неслышимые.

Предрассветные сумерки подарили очищение от забот и проблем минувшего дня, что в суматохе и круговерти свадебной не давали ни задуматься, ни выдохнуть, ни в душе порядок навести. Сейчас, когда вокруг царили тишина и покой, а мысли ослабли и провисли порванными струнами, в сердце Ждана заныл нудливый сверчок, услужливо подбирающий ключи к двери, за которой надёжно хранилось прошлое: и плохое, и хорошее, и ненужное нынче.

Сдавшись на милость победителя, недавний принц подошёл к столику воле камина, налил в любимую чашу квасу из кувшина, рухнул в кресло и, уставившись на пляску огня в очаге, отпустил на волю воспоминания.

Глава 7. Соловей-разбойник и принц Ждан

Перетрусил Ждан знатно: видимое ли дело принца на бой с каким-то разбойником отправлять! Да без сопровождения. Ладно б дракон какой заваливший али супостат заморский. А тут – мужичонка-посвистун. Не благородно. И... опасно. У таких людей никакого пиетета к царской крови отродясь не водилось.

С татями у батюшки-царя завсегда разговор короткий был: на поиски стойбища мародёров отправлял он тайников (2), да опосля отряд стражей раза в два-три поболее шайки загонял на поимку. Живых на кол сажал, чтоб другим неповадно было. Потому на лесных дорогах да трактах накатанных тихо было, хоть с охраной, хоть без неё ходи-езди при свете дня, а то и вовсе ночью.

А тут на тебе, здрастье, приехали: одному, без воинов верных надобно злодея из леса выгнать, к Живун-горе проходы освободить. Повздыхал принц незаметно для королевы фей, морсу в себя опрокинул, да и отправился на подвиг ратный, прихватив мешок, который ему слуги лесные собрали в путь-дорогу.

Медленно брёл верный конь, неся на спине дремлющего принца. Не очень-то и торопился Ждан навстречу славному подвигу. Проснулся оттого, что скакун резко замер на краю леса как вкопанный. Протерев глаза, потянувшись и окинув взглядом картину мира, принц нехотя спрыгнул на землю – размять ноги. Немного подумав, наследник решил, что битва на голодный желудок не принесёт желанной победы, а потому завалился под дубом на волшебное покрывало, что дала в дорогу Амбрелла.

Одеяло-на-земле-спало и впрямь оказалось мягче перины, нежнее женских объятий. И, сладко откушав тем, что послала салфетка-самобранка, пригубив освежающего компота из стаканчика-наливайки, принц с чистой совестью завалился спать. «Ну а что? Битва серьёзная намечается, а я уставший!» – с этой мыслью Ждан погрузился в глубокий сон.

Проснулся он на закате, потянулся, зевнул от души, раскрыл глаза и замер, как заяц перед удавом. На полянке, где мирно пасся верный конь и так геройски спал принц, весело потрескивал костерок, над которым висел котелок. В котле что-то булькало и умопомрачительно пахло. Ждан сглотнул слюну и осторожно сел на одеяле, поглядывая на незваного гостя.

Бородатый черноволосый крепкий мужик среднего роста в широких штанах и алой рубахе, подпоясанной красивым вышитым кушаком, помешивал варево и негромко насвистывал. От свиста того тихого на безветренной полянке травинки колыхались и цветы головки свои к земле склоняли, роняя лепестки. Принц поёжился, осознав, кто в гости пожаловал.

– Ну, долго будешь молча сидеть? – раздался басовитый голос от костра. – Кто таков? Зачем пожаловал?

– Кхм, – откашлялся Ждан. – Я... – голос дрогнул и сорвался в писк.

Наследник ещё раз кашлянул, собрал все силы в кулак, поднялся на ноги, стараясь не делать резких движений, косясь на широкий нож, что на поясе у мужичонки висел, и, наконец, сумел подать голос.

– Я – Его Высочество Ждан Первый Беспардонович. Позвольте поинтересоваться, а вы кто?

– А я Соловей, Одихмантьев сын, по-простому Соловей-разбойник. Зачем пожаловал, добрый молодец?

– Я... Э-э-э... Собственно... – замялся принц.

Ну не признаваться же разбойнику с тесаком за поясом в том, что пожаловал по его душеньку?

– Ясно, – хмыкнул тать. – Фея прислала из леса выгонять!

– Ну... Да, – покаялся принц и от собственной смелости закрыл на секунду глаза.

Меч наследника висел притороченный к седлу. Седло – на коне, а сам жеребец продолжал пощипывать травку на другом краю полянки.

– Эх! Что с неё взять, баба она как есть баба. Со страху и не такого наворотить могёт.

Соловей прикрыл крышкой котелок, отложил в сторону ложку на длинной палке, которой помешивал варево и развернулся к принцу. Ждан вздрогнул и отступил, упёрся в ствол дерева и попытался взять себя в руки. Чёрные цыганские глаза разбойника прожигали до самого нутра. А в глубине зрачков нет-нет да и вспыхивали ярко-красочные точки, словно тлеющие угольки в остывающем очаге.

– Позвольте, но... – принц наконец собрался с силами, выпрямился и заявил: – Амбрелла не баба, – сказал как отрезал. – Она прекраснейшая из фей, к тому же королева! А вы... ты... мужлан!

Выпалив сию тираду, Ждан, подивившись собственной смелости, твёрдо глянул в смуглое лицо разбойника. Соловей нахмурил брови, прищурил глаза, пристально разглядывая смельчака, и вдруг расхохотался:

– Эх, ты, молодо-зелено! Ты гляди, защитничек выискался! Ох ты ж!

Злодей аж присел от удовольствия, поглядывая на принца из-под густых бровей и похатывая.

– Ах ты, медвежья поясница! – вдруг рявкнул тать.

Да так грозно, что принц дёрнулся и вновь упёрся спиной в дерево.

Ухватив рукой крышку, Соловей откинул её в сторону. Тут же из котелка в огонь полезло варево. Мужик ухватил ветку с двух сторон от горшка и торопливо снял на землю всю конструкцию.

– Чтоб тебя бобры загрызли! – выругался разбойник. – Чуть не убежало! – помешивая содержимое котла ложкой, ворчал Соловей.

Аромат от кушанья стоял такой густой и аппетитный, что у Ждана в животе заурчало, а затем и вовсе лягушки с голоду песни запели.

– Что пнём застыл-то? – покосился на него странный повар. – Присаживайся, гостем будешь. Что там феи с тобой прислали?

– Дак... Салфетку-самобранку и стаканчик с компотом, – отмерев и сделав шаг в сторону костра, молвил принц.

– Эх, медовухи бы из лесных цветов, – прикрыв глаза, протянул Соловей. – Хороша у них медовуха-то, сладкая да с перчиком! – помечтав, продолжил: – Да ты присаживайся... принц.

И столько издёвки послышалось Ждану в тоне разбойника, что он насупился, брови к переносице свёл и уже было раскрыл рот, чтобы одёрнуть простолоудина, да тот опередил.

– Вот стульчик бери у дуба да располагайся, сейчас ужинать будем.

Принц до того растерялся, что дошёл до дерева, подхватил складной табуретик и, вернувшись к костру, плюхнулся, во все глаза разглядывая собеседника. Не так он представлял себе встречу с разбойником. Происходившее выходило не только за рамки, но и вовсе за все грани богатой фантазии Ждана, скудеющей с каждым годом от самолюбования и праздности.

– Доставай скатерть-то, расстилай на стол, – махнув куда-то в сторону, приказал Соловей, пробуя на соль кушанье, и вдруг топнул ногой да гаркнул: – Отомри!

Ждан подпрыгнул на стуле не хуже жабы-охотницы, вытаращился на разбойника, слепо зашарил по поясу в поисках меча. Тут же вспомнил, что меч – на жеребце, а жеребец – уже на другом краю поляны. Тать же окаянный, ухватившись за бока, хохотал, согнувшись пополам, похрюкивая от удовольствия.

Аж скулы свело от гнева у принца, не привыкшего к тому, чтобы безродные потешались над ним. Переступив через упавший стульчик, направился было наследник к коню верному, чтобы меч отстегнуть да наказать обидчика. Да не успел и шага шагнуть, как хлопнула его рука тяжёлая по плечу, и разбойничек, задыхаясь от смеха, примирительно произнёс:

– Не сердись, мил человек, одичал я тут совсем на семи дубах. Поговорить-посмеяться не с кем. Одни белки да лисицы вокруг. Накрывай на стол, кулеша моего отведаешь. Ох и знатный кулеш у меня, от бати рецепт достался! А батя у меня знаешь кто?

– Кто? – невольно переспросил Ждан.

– А батя мой – волот, всем волотам князь, – горделиво молвил Соловей, сноровисто раскладывая по мискам кулеш.

– Тогда кто матушка твоя, раз ты звериный язык разумеешь да как птица свистать умеешь? – оторопев, уточнил Ждан, приняв из рук разбойника плошку с ложкой.

– А мать моя – птица Сирин.

Глава 8. Ну а дружба начинается с бутылки...

Ужинали Соловей и принц долго и вкусно. У разбойника бутылочка припасена была гномьего напитка. Под разговор неторопливый да кулеш вкусный с разносолами, коими салфетка-самобранка баловала, сидели мужики долго. Как водится, политику обсудили, заморские страны и правителей поругали, а после второй бутылки пришла пора и о женщинах вспомнить.

– Нет, ну вот ты мне скажи, – пьяным голосом, стуча по столу кулаком, вопрошал Соловей-разбойник, вприщур глядя на принца. – Вот что ей еще надобно, а? Терем – полная чаша. Дети справные, взрослые. Ездит куда душа пожелает. Про встречи богатырские я и не заикаюсь даже! Каждый год катается в школу нашу богатырских прикладных наук. Мы с ней в одном классе учились. За одной партией сживали. Она ж на факультете богатырском одна-разъединственная из всех девиц была. Любой силач супротив моей любушки слабак и рохля. А сила её знаешь в чём?

– В чём? – разливая напиток по чашам, хриплым голосом поинтересовался Ждан.

Голос он сорвал, когда Соловей его свистеть правильно учил.

– А-а-а, – пьяно захохотал разбойник, – ишь чего удумал! То секрет и тайна великая, хоть пытай меня – всё равно не скажу! Выпьем давай! – и поднял чарку, расплескав жидкость. – Али ты шпион иноземный?! – вдруг грозно рявкнул и кулаком о стол стукнул, да так, что салфетка-самобранка жалобно пискнула, а посуда задрезбезжала.

– Что ты, что ты! – замахал руками принц. – Я принц! А нам, принцам, шпионить по статусу не положено, у нас на то соглядатаи имеются!

– Ну, за понимание! – кивнул, согласившись с доводами собутыльника, Соловей-разбойник.

– За... ик... понимание, – кивнул Ждан и опрокинул в себя очередную чарку гномьего ерша.

На поляне воцарилась тишина, нарушаемая лишь чавканьем и стуком вилок о края тарелок. Где-то всхрапнул конь и вздохнула лиса, уставшая наблюдать за принцем и захватчиком. Ей хотелось есть и пить, но покинуть засаду лисица не могла, пока смена не подоспеет, а это без малого ещё часа два лежать, не шелохнувшись, да пьяные разговоры слушать.

«У-у-у, – плакалась про себя рыжая шпионка. – И что Чоморе неймётся? Слежку за принцем устроила. Кому это надо?»

– И вот скажи ты мне, я ли её не любил? На руках не носил? Золотом-мехами-каменьями не одаривал? Да за сотню лет жизни с Горужкой моей ненаглядной, я на другую ни разу не глянул. И в мыслях чужой бабы не держал! – Соловей, обхватив принца за шею, притянул к себе близко-близко, заглянул в замутившиеся глаза и выдохнул: – Верись мне?

В ответ Ждан обнял обеими руками за плечи разбойничка, упёрся головой в лоб его широкий и закивал, веру свою подтверждая.

– А давай споем? – вдруг вскинулся Соловей.

– А давай! – поддержал новоявленного друга принц.

И оба, не сговариваясь, затянули:

– То-олько-о-о рюмка-а-а во-о-дки-и на сто-о-ле-е, ветер пла-а-чет за-а а-акно-ом. Тихой бо-о-ль-ю-у-у отзыва-а-ют-ся-а во-о-о мне-е это-ой мо-ло-до-ой лу-у-ны-ы кри-ики!

Лиса в ужасе прижала уши, накрыла лапами морду и постаралась вжаться в землю, чтобы поднявшийся ветер не засыпал глаза лесным мусором. Где-то вдали завывали волки, перепуганные птицы поднялись с гнёзд, зайчата поглубже зарылись в материнскую шерстку.

– Слушай...

Пение стихло, певцы отдышались накатили ещё по чарочке и вернулись к разговорам.

– А чего ж ты из дома сбежал-то?

– Да не сбежал я, – досадливо махнул головой разбойник. – Выгнала она меня. Девка сенная с пюзом оказалась, моя Горыня выпытывала у неё, кто мол, отец. Эта дурёха молчала, как рыба об лёд. А потом доброхот какой-то письмецо моей любушке подкинул: так, мол, и так, знаю я, кто папашка младенчика, которого служанка ваша под сердцем носит. А в конце клаузы имя моё. А я ж ведь ни сном ни духом! Не моё то дитё! Не моё, слышишь?!

Опрокинув стол, вскочил Соловей, схватил за грудки несчастного принца. Да так, что ноги у Ждана подкосились и сердце в пятки рухнуло. Тряс его разбойник, в глаза заглядывал и рычал, требуя то ли ответа, то ли подтверждения невинности своей. Голова у принца болталась так, что зубы клацали, и несчастный слова вымолвить не мог.

– А-о-у-ы! – вырывались изо ждановского рта несуразные звуки.

Наконец Соловей немного поутих и отпустил жертву своего гнева. Принц рухнул на стул, схватился за сердце, отдышался, обвёл протрезвевшим взглядом стол и, цапнув полную рюмку, опрокинул её резво в себя. Занюхал чёрным хлебушком и прикрыл глаза, переживая стресс. «Эк ведь, хорошо как всё складывается, – радостно попискивали мыслишки в затуманенном разуме, поджав хвосты, как нашкодившие щенки. – А ну как Соловей взаправду злодеем-то оказался! А силы-то у него немерено! А я один!»

Ждан подрагивающей рукой схватил со стола бутылку с остатками гномьего снадобья, разлил по рюмкам, с трудом поднялся и произнёс:

– За мужскую дружбу... Ик...

Соловей глянул на него из-под мохнатых бровей, схватил чарку, встал вровень с принцем, кивнул, поддерживая тост. Молодцы чокнулись, синхронно выпили и рухнули обратно. Ноженьки молодецкие не держали, землю качало, ковры-самолёты над головами кружили.

– С-спать? – проямлил, заикаясь, Ждан, сфокусировав на собутыльнике взгляд.

Соловьёв почему-то стало в два раза больше. Принц опешил, прикрыл один глаз и удовлетворённо хмыкнул: разбойник по-прежнему в единственном экземпляре сидел напротив.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.